

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ПРАВДА

1941–1945

ЖЖ военные
тайны
века

Ю.В. РУБЦОВ

Военные тайны XX века

Юрий Рубцов

Генеральская правда. 1941-1945

«ВЕЧЕ»

2012

Рубцов Ю. В.

Генеральская правда. 1941-1945 / Ю. В. Рубцов — «ВЕЧЕ», 2012 — (Военные тайны XX века)

Кому не известно выражение «солдатская правда»? Последнюю зачастую противопоставляют «правде генеральской»: она, мол, куда более сурова и объективна, чем генеральская, формирующаяся в надежном блиндаже или служебном кабинете. Но Великая Отечественная война показала, что такое противопоставление весьма условно. Бытовой комфорт терял свои преимущества перед необходимостью для военачальников исполнять не только сугубо военные, но и политические функции, что в условиях советской действительности было фактором дополнительного риска. Так что редкий солдат согласился бы разделить судьбу кого-то из героев новой книги военного историка Ю.В. Рубцова. В серии очерков прослеживается, как острые коллизии войны и послевоенного времени отразились на судьбах некоторых генералов и маршалов, полностью зависимых от воли лидера Советского Союза, будь то Сталин, Хрущев, Брежнев или Горбачев.

Содержание

От автора	6
Раздел I. На войне как на войне	8
Очерк 1. «Крестный путь» командования Западным фронтом	8
Очерк 2. Из разведчиков – в дипломаты	21
Очерк 3. Кнут свечкой	35
Очерк 4. Горловы и Огнев в жизни и на подмостках	42
Очерк 5. Чем закончилась «Охота на дроф»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юрий Рубцов

Генеральская правда. 1941-1945

©Рубцов Ю.В., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Кому не известно выражение «солдатская правда»? Последнюю зачастую противопоставляют «правде генеральской»: солдатское, окопное знание войны, мол, куда более жестоко и объективно. Генералы сидят по блиндажам, а то и уютным кабинетам, им не сходиться с вражеским солдатом врукопашную, не бросаться под танк со связкой гранат, не снимать финкой часовых, не утопать в грязи, не рубить штыком мерзлую буханку хлеба. Им даже тоска по женскому теплу непривычна: не жена, так боевая подруга здесь же, под боком.

Подчас под такие рассуждения подводится целая философия: солдат готов отдать жизнь за други своя, генерал же, чтобы соответствовать своему назначению, напротив, будет всегда жертвовать подчиненными. Но не слишком ли грубы, прямолинейны такие суждения?

Глупо отрицать, что рядовому бойцу война видится с другого ракурса, нежели командиру дивизии, корпуса, командующему армией, фронтом. И тяжелого физического труда, телесных испытаний («шилом побреется и дымом согреется»), грязи, крови, пота на его долю приходится куда больше. Но дает ли это солдату заведомо большее, по сравнению с генералом, знание о войне, о ратном деле?

Во-первых, редкий генерал не тянул в свое время солдатскую лямку. А философии, подчеркивающей жертвенность солдата, противостоит философия высшей ответственности командира: тяжело отдавать свою жизнь, но любой фронтовик знает, каково посылать на смерть подчиненных без возможности лично разделить с ними опасность. И как бы тщательно ни был продуман и организован бой, сражение, как бы ни были минимальными потери, все равно любой командир не может отделаться от мысли, что жертв могло быть еще меньше. И тени павших преследуют его. Уж лучше сам, лично пошел бы на боевое задание...

В этом и есть суровый удел любого командира: жалости в его деле отмерена своя строгая мера, и ее излишек оборачивается жертвами не меньшими, а большими. Кто только в состоянии определить, какова эта мера, где проходит граница между разумной бережливостью и опасной жалостливостью? Эту меру и эту границу определяет сам командир, и чем выше его должность, тем цена выбора тяжелее. Генералу, маршалу ведь приходится бросать на заведомую гибель десятки, сотни тысяч. И за свой выбор он будет нести ответ до скончания не только своего собственного, но и века человечества.

Это всегдашнее состояние полководца – воистину проклятие профессии! – попытался передать в стихотворении «На смерть Жукова» Иосиф Бродский:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

Солдат тоже воевал, но такая правда ему неизвестна.

Говоря о генеральской правде, автор имеет в виду и еще одну сторону профессии военачальника. В Красной, Советской Армии высший командный состав был одновременно объектом большой политики. И нередко не столько способность к управлению войсками, сколько лояльность к правящему режиму определяли военную и жизненную стезю высших офицеров.

Доказать правоту этой мысли автор намерен просто – предложив читателям, взявшим в руки эту книгу, проследить судьбу некоторых генералов и маршалов через острые коллизии Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Политический режим – и

сталинский диктаторский, и хрущевский оттепельный, и брежневский застойный, и горбачевский либеральный – боялся (скажем мягче – опасался) высших военных, особенно самостоятельно мыслящих. В зависимости от ситуации, пуская в ход то политические, то репрессивные рычаги, власть формировала высшую военную элиту под себя. В условиях всевластия верхушки ВКП(б) – КПСС выбор у людей с большими звездами на погонах был невелик: или смирить перед правителями свои амбиции, или уйти в тень, подчас загробную.

И здесь вновь обратимся к стихотворным строчкам Иосифа Бродского:

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Вряд ли ошибемся в предположении, что редкий солдат согласился бы разделить такую судьбу кого-то из военачальников – героев книги.

До поры до времени партийно-политическое руководство СССР, используя такой механизм, добивалось своей цели. Военная элита ни разу не выступила против него даже в тех случаях, когда явно ущемлялись ее собственные интересы. И даже отдавая своих представителей на заклание, она вместе со всеми Вооруженными Силами оставалась важнейшей опорой власти. Бесконечно продолжаться так не могло. Наступил 1991 г., КПСС, которой армия отказала в поддержке, рухнула, процессы дезинтеграции страны приобрели необратимый характер...

Материал книги базируется на многочисленных документальных публикациях последних лет, а также на архивных документах, выявленных автором в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).

Раздел I. На войне как на войне

Очерк 1. «Крестный путь» командования Западным фронтом

В истории Великой Отечественной войны, прямо-таки насыщенной драматическими и – что там – трагическими коллизиями, тем не менее, найдется не так много документов, которые были бы сопоставимы с постановлением Государственного Комитета Обороны СССР № 169сс от 16 июля 1941 г. по остроте поставленного в нем вопроса: кто виноват в поражениях Красной Армии?

Приведем документ полностью:

«Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого Государственный Комитет Обороны, по представлению Главнокомандующих и Командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду Военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

- 1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;
- 2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;
- 3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;
- 4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;
- 5) бывшего командира 41 стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;
- 6) бывшего командира 60 горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Селихова (правильно. – М.Б. Салихов. – Ю.Р.);
- 7) бывшего заместителя командира 60 горнострелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;
- 8) бывшего командира 30 стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Галактионова;
- 9) бывшего заместителя командира 30 стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны предупреждает вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Обороны требует от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на великие подвиги, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины»¹.

Итак, главную ответственность за поражения в приграничных сражениях Сталин возложил на высших офицеров, стоявших во главе войск, которые вступили в противоборство с вермахтом в первые же дни войны. И постарался довести эту мысль до всего личного состава действующей армии: несмотря на совершенно секретный характер постановления, оно было зачитано во всех ротах, батареях, эскадронах, авиаэскадрильях.

Какие же события предшествовали постановлению ГКО? Начальный период войны сложился для Красной Армии трагически. К 10 июля 1941 г. фашистские войска продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном – на 450–600, в юго-западном – на 300–350 км. Наша армия оставила Прибалтику, Белоруссию, значительную часть Украины и Молдавии. Создалась угроза прорыва противника к Ленинграду, Смоленску и Киеву. Только три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный, – по неполным подсчетам, потеряли около 748 тыс. человек личного состава, 18,8 тыс. орудий и минометов, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов². Правда, и вермахт никогда прежде не сталкивался с таким упорным сопротивлением. Невиданными оказались потери немцев в первые три недели войны – около 100 тыс. человек, 1,6 тыс. танков, 950 самолетов.

С первого дня особенно мощное наступление противник развил в полосе Западного фронта, созданного на базе Западного особого военного округа. Он бросил в сражение 50 дивизий, из них 15 танковых, в то время как Западный фронт располагал 24 стрелковыми, 12 танковыми и 6 мотострелковыми дивизиями.

Фактически именно на этом, западном, направлении вермахт, используя основные силы 4-й танковой армии, наносил главный удар, нацеливаясь на Смоленск и далее на Москву. Противник в полной мере воспользовался грубыми просчетами Сталина в определении момента и главного направления фашистской агрессии. Создав тройное превосходство в танках, орудиях и минометах, тройное-пятикратное – в живой силе, в первый же день захватив полное господство в воздухе, группа армий «Центр» нанесла нашим войскам тяжелое поражение. Уже 28 июня были захвачены Минск и Бобруйск, западнее белорусской столицы попали в окружение 3-я и 10-я армии, а остатки 4-й армии отошли за Березину. Создалась угроза быстрого выхода подвижных соединений врага к Днепру и прорыва к Смоленску.

Арест и предание суду руководящего состава Западного фронта (кроме командующего генерала армии Д.Г. Павлова, начальника штаба фронта генерал-майора В.Е. Климовских, начальника связи генерал-майора А.Т. Григорьева, командующего 4-й армией генерал-майора А.А. Коробкова, в сентябре 1941 г. был осужден командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии Н.А. Клич) ГКО мотивировал благородными мотивами – необходимостью «железной рукой» пресечь всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии.

¹ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 3, л. 95–96.

² Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 267–268, 484.

Однако обстоятельства расследования рожают как минимум два вопроса. Первый – только ли указанные лица должны были нести главную ответственность за поражения войск в приграничных сражениях? Второй – действительно ли генералы совершили те преступления, в которых обвинялись – трусили, проявили бездействие, допустили развал управления войсками и пр.?

Отвечая на первый вопрос, заметим: разумеется, немалая доля вины за поражение вверенных войск лежит на командовании фронтом. Однако публичное объявление имен высших офицеров, преданных суду военного трибунала, преследовало иную цель. Оно представляется не чем иным, как попыткой Сталина переложить на военачальников всю вину за катастрофические поражения и тем самым сохранить в неприкосновенности собственную репутацию. Комплекс документов, имеющихся в распоряжении специалистов, позволяет именно на вождя возложить основную ответственность за то, что войска Красной Армии встретили вражеское нападение на положении мирного времени. Из опасения дать немцам хоть малейший повод к агрессии (хотя их целенаправленная подготовка к войне не оставляла сомнений) Сталин запрещал военному руководству самые элементарные действия по приведению войск в необходимую степень боевой готовности. Жестко пресекались все попытки командующих войсками округов, в том числе Западного особого, заранее выдвинуть к границе хоть какие-то дополнительные силы.

Просчет в определении вероятных сроков нападения Германии стал наиболее роковым в ряду трагических ошибок руководства СССР. Вследствие него не было сделано главного – войска прикрытия, предназначавшиеся для отражения первого удара противника, своевременно не были приведены в полную боевую готовность. И вот за этот просчет должны были ответить далеко не те, кто в первую очередь был в нем виновен.

Сама процедура установления круга виновных военачальников явно выдавала то, что называется политическим заказом. На первом же заседании ГКО, образованного 30 июня, генерал армии Павлов был освобожден от обязанностей командующего фронтом. До 2 июля его заменили генерал-полковником А.И. Еременко, а затем – наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко. Членом военного совета фронта стал армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис, продолжавший оставаться заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР, заместителем наркома обороны и начальником Главного управления политической пропаганды (так в начале войны называлось Главное политуправление РККА). Забегая вперед, скажем, что ему в сталинских планах по поиску «стрелочников» отводилась особая роль.

Павлов, еще не зная об отстранении от должности, выехал по вызову вождя в Москву. Генерал пробыл в столице несколько дней, встретившись лишь с начальником Генштаба генералом армии Г.К. Жуковым. Сталин его не принял и лицемерно приказал возвращаться «туда, откуда приехал», хорошо зная, что бывший командующий до штаба фронта не доедет. 4 июня по дороге в Гомель, где к тому времени размещался штаб Западного фронта, Павлов был арестован. Процедуру ареста контролировал Мехлис. Ему же было поручено определить круг лиц из командного состава фронта, которые вместе с бывшим командующим должны были предстать перед судом, и сформулировать правдоподобное обоснование расправы над ними. По образцу 1937 года, чтобы надежнее отвести вину от вождя, Мехлис сфабриковал групповой «заговор».

6 июля 1941 г. начальник ГУПП собственноручно составил на имя Сталина телеграмму, подписанную также командующим фронтом маршалом С.К. Тимошенко и еще одним членом военного совета фронта первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко. В ней сообщалось, что «Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение», и назывались фамилии арестованных военачальников. Кроме указанных выше генералов В.Е. Климовских, Н.А. Клича, А.Т. Григорьева и А.А. Коробкова, в этот проскрипционный список попали заместитель командую-

ющего ВВС фронта генерал-майор авиации А.И. Таюрский (командующий ВВС Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.И. Копец под влиянием известий о тяжелых потерях авиации фронта покончил жизнь самоубийством в первый же день войны), командир 9-й смешанной авиационной дивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации С.А. Черных, командир 42-й стрелковой дивизии генерал-майор И.С. Лазаренко, командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор С.И. Оборин и некоторые другие лица, занимавшие менее высокое служебное положение.

Сталинский посланник, зная, что никакая жестокость не будет его покровителем считаться излишней, действовал грубо, подтасовывал факты, не заботясь даже о тени законности. О его «объективности» при определении круга виновных свидетельствует хотя бы судьба генерал-майора А.А. Коробкова. По воспоминаниям генерал-полковника Л.М. Сандалова, встретившего войну начальником штаба 4-й армии, она «хотя и понесла громадные потери, но все же продолжала существовать и не потеряла связи со штабом фронта». Почему же осудили именно Коробкова? Сандалов объяснял так: «К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке (! – Ю.Р.) для предания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армии. Командующие 3-й и 10-й армиями находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Это и определило судьбу Коробкова»³.

В словах генерала Сандалова нет ни малейшего преувеличения: если всмотреться в мехлисовский арестный список, то видно, что он составлен, исходя из самой настоящей разрядки: в нем представлено по одному человеку от каждого уровня командования – фронт, армия, корпус, дивизия. В список попали даже начальник военторга и начальник окружной ветеринарной лаборатории. Как на поражении войск фронта могла сказаться их деятельность, было ведомо одному Мехлису.

Но Сталин не увидел в этом факте ничего необычного. В тот же день от него последовал ответ, в котором вождь от имени Государственного Комитета Оборона одобрял произведенные аресты и приветствовал «эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта»⁴.

Многое в этой истории остается еще под покровом тайны. До сих пор не установлено даже, кто из военачальников, где и когда был арестован.

Относительно обстоятельств ареста генерала армии Павлова мы располагаем двумя, противоречащими друг другу версиями. Одна принадлежит бывшему начальнику Гомельского областного управления госбезопасности полковнику в отставке Д.С. Гусеву. На рассвете 4 июля ему позвонил Мехлис и отдал приказ «перехватить» Павлова, направлявшегося из Могилева в Гомель, когда тот будет проезжать городок Довск. Гусев прибыл в Довск и здесь узнал, что арест генерала армии придется производить не ему, а ранее прибывшей из Москвы группе ответственных работников НКВД. Когда появилась машина Павлова, один из них остановил автомобиль и предложил генералу пройти к телефону, объяснив просьбу срочным вызовом Мехлиса. В помещении почтового отделения бывшему командующему Западным фронтом предъявили ордер на арест.

Сам Павлов показывал на допросе 7 июля: «Я был арестован днем 4 июля с.г. в Довске, где мне было объявлено, что арестован я по распоряжению ЦК. Позже со мной разговаривал заместитель председателя Совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель»⁵.

Однако по другой версии арест производил не сотрудник НКВД, а полковник Разведуправления РККА Х.-У.Д. Мамсуров⁶. Приказ на арест он якобы получил от К.Е. Ворошилова,

³ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 725588, д. 36, л. 309.

⁴ См.: Анфилов В. А., Голиков Ф.И. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. М., 2005. С. 297–298.

⁵ 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 455.

⁶ Независимое военное обозрение, 2003, 5 декабря.

имевшего соответствующие указания от Сталина. Журналист, опубликовавший эту версию в «НВО», утверждает, что это было 29 июня. И «отвертеться он не мог: машины с охраной для выезда за будущими высокопоставленными арестантами уже ожидали...»

Мамсуров хорошо знал Павлова по Испании, где они находились в одно и то же время, первый под псевдонимом «Ксанти», а второй – «генерал Пабло». По приводимым в той же газете воспоминаниям разведчика, 27 июня он стал свидетелем разговора, состоявшегося между Ворошиловым и еще одним маршалом – Б. М. Шапошниковым, также находившимся в тот момент в штабе Западного фронта. Климент Ефремович сказал своему собеседнику, что имеет указание отстранить Павлова от командования и отправить под охраной в Москву. Борис Михайлович согласился, что тот – командующий никудышный, но его арест в данной ситуации был бы ошибкой, он пользы не принесет, а лишь вызовет тревогу и суматоху в рядах командиров. В составленной затем шифровке на имя Сталина Ворошилов просил вождя не арестовывать Павлова, а назначить командующим танковой группой, сформированной из отходящих частей в районе Гомель – Рогачев. Но Москва подтвердила указание об аресте, и маршал отдал приказ Мамсурову.

В 60-е годы, уже будучи в должности заместителя начальника ГРУ Генерального штаба ВС СССР, генерал-полковник Мамсуров так вспоминал об аресте генералов: «Первым подошел сам Павлов. Снял ремень с пистолетом и, подав их мне, крепко пожал руку, сказал: “Не поминай лихом, Ксанти, наверное, когда-нибудь в Могилеве встретимся”. В отличие от вчерашней ночи он был почти спокоен и мужественен в эту минуту. Павлов первым сел в легковую машину. Вторым сдал оружие начальник штаба Климовских. Мы с ним раньше никогда не встречались. Он был также спокоен, ничего не сказал и сел в ту же машину. Третьим подошел ко мне замечательный товарищ, великолепный артиллерист – командующий артиллерией округа Клыч (правильное написание фамилии – Клич. – Ю.Р.). Мы прекрасно знали друг друга по Испании и всегда общались как хорошие товарищи. Он протянул свое оружие, с улыбкой обнял меня. Через несколько минут небольшая колонна двинулась в путь на Москву».

Несмотря на то, что автор статьи, из которой мы привели эту цитату, ссылается на использование архивных материалов ГРУ и ранее не публиковавшихся записей Мамсурова, картина ареста командования Западным фронтом предстает крайне противоречивой (если не фантастической) и практически ни в чем не совпадает с достоверно установленными фактами. Остаются не до конца проясненными сведения о дате (датах) и месте (местах) ареста генералов, о лицах, организовавших и производивших арест.

Заслуживающие доверия архивные материалы говорят об активной роли в аресте как раз не Ворошилова, а именно Мехлиса. Его обмен телеграммами со Сталиным дает основание говорить о том, что арестовали Павлова и его подчиненных порознь, а не вместе, как об этом вспоминал Мамсуров. Из тех же воспоминаний следует, что арест был произведен в расположении штаба фронта. Однако документально подтверждено, что Павлов был арестован в Довске и арестован не 29 июня, а 4 июля, о чем уже говорилось выше.

Если, как утверждает автор «НВО», маршал Ворошилов отдал приказ Мамсурову арестовать Павлова, Климовских и Клича еще 29 июня, причем сделать это неотложно, то, спрашивается, кто осмелился затянуть с его исполнением на пять дней, до 4 июля, и почему виновный не понес за задержку никакой ответственности, хотя приказ исходил от самого Сталина? Вызывает сомнение также факт одновременного ареста Павлова, Климовских и Клича. До 4 июня они находились порознь, и выходит, что кому-то пришлось в голову арестовать их именно в Довске, для чего они должны были передвигаться из разных мест: Павлов – по пути из Москвы, другие два генерала – по логике, по пути из штаба фронта. К чему такая сложность, если органы безопасности могли произвести арест там, где им было удобнее?

Еще вопрос, рождающийся от «нестыковок»: если Климовских был арестован вместе с Павловым еще 4 июля, почему Мехлис сообщает Сталину об этом факте только 6 июля (да еще

с формулировкой «Военный совет решил (выделено мной. – Ю.Р.) арестовать...»? Для такого педанта, как Мехлис, это кажется просто невозможным, тем более что речь шла о личном поручении вождя.

Словом, несмотря на то, что автор публикации в «НВО» ссылается на воспоминания столь авторитетного разведчика, как генерал Мамсуров, многое в них, как видим, не стыкуется с фактами, которые как раз сомнения не вызывают. И пока перед историками не предстанет ясная, непротиворечивая картина того, как прошел последний день на свободе для командования Западным фронтом, точку в этой истории ставить рано. Пока же, на наш взгляд, очень многое говорит за то, что организация и арест генералов были доверены (не исключено, что и с участием Мамсурова) именно Мехлису, прибывшему в штаб Западного фронта, по крайней мере, не позднее 2 июля 1941 г.

Обстановку, в которой готовилась расправа над генералами, хорошо иллюстрирует такой факт: Павлов был арестован 4-го, но лишь 5-го было оформлено постановление 3-го управления НКО СССР на арест бывшего командующего Западным фронтом. Нарком обороны маршал С. К. Тимошенко утвердил постановление, и прокурор Союза ССР В. М. Бочков санкционировал арест еще через день, 6 июля. Как видим, с самого начала высшие должностные лица не торопились связывать себя «какими-то» правовыми нормами – законность обозначалась, а не обеспечивалась.

События показали, что арест руководителей Западного фронта кардинально обстановку не изменил, да и, конечно, изменить не мог. В условиях постоянно нараставших по силе ударов вермахта войска продолжали отход. 10–12 июля противник сломил сопротивление наших обороняющихся частей в районе Витебска, южнее Орши и Могилева и стал быстро продвигаться в сторону Смоленска. Во всей полосе Западного фронта развернулось гигантское Смоленское сражение.

Если бы Сталин был последователен, он, учитывая, что перелома на фронте достичь не удалось, должен был поступить с Мехлисом так, как он обошелся с бывшим командованием фронтом. Но в том-то и дело, что армейский комиссар 1-го ранга был послан туда с иной миссией. Вождь руками своих присных добивался вполне определенной цели – дать населению страны простое и понятное объяснение сокрушительных поражений, припугнуть военные кадры тяжестью и неотвратимостью верховной кары, показать, что и с началом войны устои власти остались прежними. И судя по всему, Сталин уверился, что эта цель на Западном фронте его эмиссаром достигнута.

...Однако – вернемся к крестному пути, который выпало пройти командованию Западным фронтом. И попробуем ответить на второй вопрос из тех, что были поставлены вначале: действительно ли генералы совершили те преступления, в которых обвинялись – трусили, проявили бездействие, допустили развал управления войсками и пр.?

После ареста Павлова, Климовских, Григорьева и Коробкова доставили на Лубянку во внутреннюю тюрьму. Началось следствие, пошли допросы.

С самого начала и политические, и военные власти не стеснялись в средствах, создавалась лишь видимость законности. О том, что арест Павлова был санкционирован лишь спустя два дня после фактического взятия его под стражу, уже говорилось. Само постановление на арест, подписанное заместителем начальника следственной части 3-го управления НКО старшим батальонным комиссаром Б. С. Павловским, не содержало доказательств вины, а свелось к надуманным мотивам, чтобы хоть как-то обосновать сам факт заключения генерала под стражу⁷. Точно так же постфактум Павловским было вынесено, а Тимошенко утверждено постановление о содержании под стражей, как мере пресечения в отношении Павлова. Обви-

⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 213.

нительное заключение по делу всех четверых генералов (их следственные дела были объединены в одно), утвержденное заместителем наркома внутренних дел СССР комиссаром госбезопасности 3-го ранга В. С. Абакумовым 21 июля 1941 г., также было бездоказательным, не содержало ни отсылок к конкретным материалам, на основании которых перечисленные выше лица были арестованы, ни ссылок на доказательства, которые свидетельствовали бы о виновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

По ходу дела постоянно велась переквалификация преступлений, в совершении которых обвинялись подследственные, а затем и подсудимые. Тот же Павлов был арестован и заключен под стражу, как подозреваемый в преступлениях, предусмотренных ст. 58—16 и 58—11 УК РСФСР. Эти же статьи фигурируют в обвинительном заключении в отношении Павлова и Климовских. Григорьев и Коробков обвинялись в преступлениях по ст. 193—176 УК РСФСР. А уже на следующий день, 22 июля, дело в судебном заседании Военной коллегии рассматривалось с предъявлением обвинения уже совершенно по иному кодексу – не РСФСР, а Белорусской ССР – и новым статьям: Павлову и Климовских – ст. 63—2 и 76 УК БССР, Григорьеву и Коробкову – ст. 180-б УК БССР. Судя по протоколу судебного заседания, подсудимые об этой переквалификации поставлены в известность не были, председательствующий Ульрих лишь спросил, получили ли они копию обвинительного заключения и познакомились ли с ним.

Да простит читатель педантизм автора, но нельзя не проследить эту цепь беззаконий до конца. В приговоре Военной коллегии действия всех четверых подсудимых были вновь переквалифицированы, на сей раз на ст. 193—176 и 193—206 УК РСФСР.

В процессе следствия беззаконие заявляло о себе раз за разом. Первый допрос генерала армии Павлова 7 июля продолжался непрерывно 15 часов. Следователи сразу же требуют: «... Приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности». Павлова – как обухом по голове: следствие только началось, а его не просто подозревают в совершении преступления – ему, по сути, уже предъявляют обвинение.

Естественно, допрашиваемый категорически заявляет, что он не предатель. Следователи тут же перебивают его следующим вопросом: «У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом». Генерал вновь настаивает: «Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было». Категорически возражал он и против предположений, что кто-то из его подчиненных совершал изменнические действия⁸.

Бывший командующий подробно описал обстановку, сложившуюся после нападения гитлеровских войск, свои действия по управлению войсками. Прорыв немецких войск он объяснял их огромным превосходством в танках и авиации, а также утратой связи с первых часов войны.

Но следователей это, судя по всему, мало интересует. Они завершают допрос тем же, с чего и начали, добиваясь от Павлова признательных показаний о том, что тот намеренно открыл фронт противнику: «Напрасно вы (Павлов. – Ю.Р.) пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено (когда? – Ю.Р.), что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные».

Следственные данные, надо понимать, это – материалы допросов тех военачальников, которые были в свое время привлечены к делу о военном заговоре в РККА (дело Тухачевского и др.), ожидавшие своего часа в архивах НКВД. И это время пришло.

⁸ 1941 год. Кн. 2. С. 455, 467.

К слову, а кому было поручено вести допросы? Когда вместе, а когда сменяя друг друга, это делали уже упомянутый заместитель начальника следственной части 3-го управления НКО старший батальонный комиссар Павловский и следователь младший лейтенант госбезопасности В. И. Комаров.

Комаров позднее выдвинется по службе, в 1948 г. станет полковником госбезопасности, заместителем начальника следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности СССР. Закончит он так, как закончили многие его жертвы. В конце 1952 г. вместе с рядом сослуживцев он будет арестован, а в 1954 г. осужден и расстрелян, в том числе за использование незаконных методов ведения следствия.

Мог ли младший лейтенант госбезопасности (соответствует армейскому старшему лейтенанту) компетентно судить о действиях командования фронтом? Ответ представляется очевидным. Уже сам по себе этот факт лишний раз доказывает, что следствие явно не интересовали реальные причины произошедшего в полосе Западного фронта. Отрабатывалась заговорщицкая, изменническая версия.

А поскольку Комаров отличался большой физической силой, то и применял соответствующие методы следствия. Недаром он обладал «говорящим» прозвищем «Костолом». Павлова вынудили признать, что он являлся участником антисоветского военного заговора еще с середины 30-х годов, что был выдвиженцем «врага народа» командарма 1-го ранга И. П. Уборевича, командующего войсками Белорусского военного округа, расстрелянного в 1937 г. вместе с М. Н. Тухачевским. Заставили его признать и участие в «военно-фашистском заговоре», и преднамеренное открытие фронта врагу.

Генерал-майор Климовских участия в заговоре не признал, но был «изобличен», как соучастник, двумя «заговорщиками», расстрелянными еще до войны. Григорьеву и Коробкову «политику» вменять не стали, ограничившись обвинениями в преступном бездействии.

Явно переусердствовали младшие лейтенанты госбезопасности. Как и члены Военной коллегии, в ходе судебного заседания также активно добивавшиеся признания подсудимых в антисоветской деятельности. Даже кремлевский заказчик не оценил их служебного рвения. Когда Сталину принесли проект приговора, он текст в целом одобрил, но через своего секретаря А. Н. Поскребышева передал указание весь «хлам» о заговоре убрать⁹.

Этим как раз и объясняется исчезновение из приговора 58-й, «политической» статьи.

Суд под председательством армвоенюриста В. В. Ульриха, председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, состоялся 22 июля. Он длился ровно три часа. В сталинском праве, как и судопроизводстве времен инквизиции, доказательства желательны, но не обязательны. Павлов нашел в себе мужество отказаться от своих показаний о предательской, заговорщицкой деятельности, данных им на предварительном следствии, хотя Ульрих все время пытался вернуть генерала к этому, столь любимому судом сюжету. На «укоризненное» замечание председательствующего: «Несколько часов тому назад вы говорили совершенно другие, и в частности о своей вражеской деятельности», Дмитрий Григорьевич заявил: «Антисоветской деятельностью я никогда не занимался. Показания о моем участии в антисоветском военном заговоре я дал, будучи в невменяемом состоянии». Настаивал на этом и в последнем слове: «Я прошу доложить нашему правительству, что в Западном особом фронте (так в документе. – Ю.Р.) измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне»¹⁰.

⁹ См.: Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. В 2 т. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 365.

¹⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 391.

Климовских еще раз заявил, что участником антисоветской заговорщической организации не был, и признал себя виновным только в ошибках по службе, допущенных, как подчеркнул Владимир Ефимович, «без всякого злого умысла».

Генералы Григорьев и Коробков также признали лишь ошибки, прося суд учесть при вынесении приговора те условия, в которых оказались войска с началом германского вторжения и которые от них не зависели.

Все подсудимые просили дать им возможность делами искупить свою вину.

Но, вероятно, и сами подсудимые не очень надеялись на объективность. Они не могли не видеть, что творится самая настоящая расправа, прикрытая инсценировкой суда, ибо приговор основывался только на показаниях подсудимых, никакие оперативные документы при этом к разбирательству не привлекались и показания свидетелей не заслушивались.

По приговору суда генералы Павлов и Климовских были признаны виновными в том, что они проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт советских войск.

Генерал Григорьев, по заключению суда, проявил паникерство, преступное бездействие в обеспечении организации работы связи фронта, в результате чего было нарушено управление войсками и нормальное взаимодействие воинских соединений.

Генерал Коробков был признан виновным в трусости, малодушии и преступном бездействии, в результате чего вверенные ему соединения и части понесли большие потери и были дезорганизованы¹¹.

Всех четырех лишили воинских званий и приговорили к расстрелу. Даже если осужденным и дали возможность просить Президиум Верховного Совета СССР о помиловании, настоящего, объективного рассмотрения такого ходатайства, конечно, не было, ибо приговор был приведен в исполнение в тот же день.

В сентябре расстреляли и генерал-лейтенанта Клича: его по какой-то причине Сталин посчитал необходимым не объединять в группу с остальными генералами фронта и осудить отдельно.

То, что над командованием Западным фронтом просто расправились, подтверждает хотя бы тот факт, что формулировка состава преступления для обвинительного приговора была прямо заимствована из постановления ГКО № 169сс от 16 июля 1941 г., изданного за 6 дней до суда. Как и было принято в сталинском государстве: политика шла впереди норм закона.

Из всех указанных выше военачальников Западного фронта избежал расстрела лишь И. С. Лазаренко. Военным трибуналом фронта он был приговорен к высшей мере наказания с заменой тюремным заключением. По личному ходатайству Президиум Верховного Совета СССР в октябре 1942 г. досрочно освободил его от наказания и направил в действующую армию. Генерал И. С. Лазаренко, будучи командиром 369-й стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта, погиб в бою 25 июня 1944 г. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Иначе, чем у генералов Западного фронта, сложилась судьба лиц, также фигурировавших в постановлении ГКО, но представлявших другие фронты действующей армии. Был расстрелян только командир 30-й горно-стрелковой (в постановлении ГКО она ошибочно названа стрелковой) дивизии Южного фронта генерал-майор С. Г. Галактионов. Приговор военного трибунала Южного фронта датирован 21 июля 1941 г.

Командир 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майор И. С. Кособуцкий 26 июля 1941 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был

¹¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 393.

лишен воинского звания и подвергнут наказанию в виде лишения свободы в ИТЛ сроком на 10 лет. Но уже в конце октября 1942 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР досрочно освобожден от всех видов наказания с направлением в действующую армию, восстановлен в воинском звании. Войну генерал-лейтенант Кособуцкий закончил командиром 34-го стрелкового корпуса Юго-Западного фронта.

Заместитель командира по политической части 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полковой комиссар И. Г. Курочкин был осужден военным трибуналом фронта к 8 годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. Был направлен на фронт с понижением в воинском звании. 24 августа 1941 г. погиб в бою.

Полковой комиссар И. К. Елисеев, заместитель командира по политической части, комиссар 30-й горно-стрелковой дивизии, был осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с отсрочкой исполнения наказания после окончания войны. До февраля 1945 г. он воевал в должности заместителя командира по политчасти 50-й гвардейской, а затем 99-й стрелковых дивизий.

Наконец, командир 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майор М. Б. Салихов 29 июля 1941 г. военным трибуналом Южного фронта был осужден на 10 лет тюремного заключения с отбытием наказания по окончании войны, лишен генеральского звания. Был снижен в должности до командира полка и в звании до полковника. Считался погибшим в бою, именно с такой формулировкой был исключен из списков Красной Армии в январе 1942 г. Позднее выяснилось, что он сдался в плен и сотрудничал с немецкой разведкой. 21 июня 1943 г. Военной коллегией Верховного суда СССР заочно осужден к высшей мере наказания.

...Возвратиться к делу Павлова и его товарищей стало возможным только спустя 16 лет. Под влиянием обстановки, сложившейся вследствие XX съезда КПСС, Верховный суд СССР в 1956 г. запросил заключение Генерального штаба Вооруженных Сил относительно событий в полосе Западного фронта в июне 1941 г. Оно готовилось на основе мнений ряда военачальников.

Одним из первых свою позицию высказал ушедший к тому времени в запас генерал-полковник Л. М. Сандалов, который, как уже упоминалось выше, начал войну в должности начальника штаба 4-й армии Западного фронта. Позднее он выдвинулся в начальники штаба Центрального, Брянского, 2-го Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. Роковая случайность заставила его расстаться с активной службой: в 1953 г., будучи начальником штаба – первым заместителем командующего Московским военным округом, в авиационной катастрофе он получил тяжелые увечья. Прикованный к инвалидному креслу, этот мужественный человек продолжал напряженно трудиться, сконцентрировавшись на научной и литературной работе. Своим человеческим долгом он посчитал возвращение честного имени незаконно репрессированным военачальникам Западного фронта, вместе с которыми Леониду Михайловичу довелось принять первые удары врага.

1 сентября 1956 г. он направил начальнику Военно-научного управления Генштаба генералу армии В. В. Курасову служебную записку, в которой обстоятельно проанализировал ситуацию, сложившуюся в конце июня 1941 г. в полосе Западного фронта, и действия высших должностных лиц фронтового управления.

На вопрос, виновато ли командование Западным фронтом и 4-й армии в разгроме войск в начальный период войны, он отвечал отрицательно. Соседи Западного фронта – Северо-Западный (бывший Прибалтийский особый военный округ) и Юго-Западный (Киевский ОВО) фронты – были также разгромлены, хотя главный удар врага и не нацеливался на них. Прибегая к этому аргументу, Сандалов делал вывод, что в тех условиях поражение войск западных приграничных военных округов (фронтов) в конечном счете зависело не от качества управления войсками. По его мнению, главная причина поражений коренилась в слабом техническом

оснащении и недостаточной подготовке войск и штабов Красной Армии по сравнению с вермахтом, а также во внезапном нападении полностью отмобилизованной и сосредоточенной у советских границ фашистской армии на наши войска, не приведенные в боевую готовность.

Оговариваясь, что в сложившейся неблагоприятной ситуации и более талантливый командный состав не смог бы предотвратить разгром, Сандалов тем не менее не снимал определенной ответственности и с командования войсками Западного фронта.

Управление войсками фронта и армий он называл слабым, проистекавшим из неудачного подбора командного состава и, в первую очередь, несоответствия своей должности самого командующего. Генерал Павлов, отмечал Сандалов, не имея опыта в командовании войсковыми соединениями (до назначения командующим войсками ЗОВО командовал лишь танковой бригадой), ни достаточного военного образования и широкого оперативного кругозора, растерялся в сложной обстановке начального периода войны и выпустил из рук управление войсками.

Не соответствующими своим должностям были также командующий ВВС генерал И. И. Копец и командующий артиллерией генерал Н. А. Клич, как и Павлов, не имевшие достаточного опыта управления войсками. В связи с этим часть вины за подбор неподготовленных командных кадров должны были нести те, «кто утвердил такой состав», то есть высшее политическое и военное руководство страны (хотя никого конкретно Сандалов назвать не решился).

Что же касается начальника штаба фронта генерала Климовских и начальника связи генерала Григорьева, то, по мнению Сандалова, «и тот, и другой являлись одними из лучших в Красной Армии штабными командирами. Но оба эти начальника имели один общий важный недостаток: слабоволие и безынициативность. Самостоятельных инициативных решений в сложной обстановке эти начальники, как правило, не принимали».

Генерал Коробков показал себя храбрым и энергичным командующим армией, но и его недостаток заключался «в стремлении безоговорочно выполнять любое распоряжение командования войсками округа, в том числе и явно не соответствующее складывающейся обстановке».

Сандалов делал нелицеприятный вывод о том, что безынициативностью страдала большая часть высшего командного состава Красной Армии, поскольку «широкая инициатива среди высшего комсостава, как известно, у нас вообще в предвоенное время не культивировалась и не поощрялась».

Резюмируя содержание служебной записки, ее автор считал необходимым снять с командования войсками Западного фронта основную вину за разгром войск фронта в начальный период войны. «Никакого заранее намеченного умысла по разгрому войск округа или способствованию разгрому войск со стороны всего командования округа и его отдельных лиц не было», – убежденно делал он вывод¹².

Безусловно, аргументированное мнение человека, который в дни описываемых им событий находился рядом с военачальниками, позднее попавшими под секиру репрессий, было особенно ценно. И Генштаб учел его. Признав в своем заключении крупные недочеты в подготовке войск округа к войне, он решительно отменил обвинение командования фронтом в трусости, бездействии, сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику.

Все это позволило суду вынести справедливый вердикт. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. приговор от 22 июля 1941 г. в отношении генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, а также приговор от 17 сентября 1941 г. в отношении генерала Н. А. Клича были отменены, и дела на них производством прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

¹² ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 725588, д. 36, л. 304–310.

Из заключения освободили семьи военачальников. Обратим внимание, что статьи, по которым были осуждены Павлов и его боевые товарищи, не предусматривали наказания близких родственников. Но кто из ретивых Ульрихов когда-нибудь обращал внимание на такие «мелочи»? Без всякой вины пострадали семьи, и особенно, конечно, дети. Из лагеря они вернулись уже взрослыми, с изломанными характерами. Надо ли говорить, что происходит с человеком, формирование которого как личности шло за колючей проволокой?

Осудили военачальников Западного фронта громко, объявили об этом вплоть до последнего солдата, а вот вокруг их посмертной судьбы даже после реабилитации власть устроила самый настоящий заговор молчания, который не могли прорвать даже их боевые товарищи.

Текст приговора не обнародовался вплоть до 1992 г. Л. М. Сандалов пытался рассказать о судьбе своих боевых соратников в увидевшей свет в 1961 г. книге «Пережитое». Но рукопись значительно сократили, купировав сомнительные с точки зрения цензуры места. Ситуация повторилась при издании в 1970 г. книги «На московском направлении», куда вошли переработанные автором главы «Пережитого». Публикация книг послужила поводом для переписки Леонида Михайловича с бывшими сослуживцами. Даже они, люди, много повидавшие на своем веку, наверное, не допускали, что автор книг далеко не добровольно шел на замалчивание событий прошлого, и укоряли его за это.

Бывший в 1938–1939 гг. командующим войсками Белорусского военного округа генерал-полковник М. П. Ковалев, хорошо знавший все командование Западным фронтом по совместной службе, писал Сандалову 22 марта 1962 г.: «... Тот, кто способен серьезно мыслить, может сделать правильный вывод, что армия была подготовлена к войне – умела воевать и патриотизма было достаточно, а не на высоте было руководство войсками и политикой...»

Мне очень жаль Климовских, Григорьева (н-к связи) и Коробкова. Они творили чужую волю. Даже Павлов виноват только в том, что взялся за непосильное для него дело».

Особого внимания заслуживает письмо Сандалову от бывшего начальника оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майора И. И. Семенова 28 апреля 1962 г. Приведем его с максимальной полнотой: «... О личности тов. Коробкова. Тот, кто не знает его, из Вашей книги может сделать о нем совершенно неверные выводы, ведь не надо забывать, что по приказу, который был широко опубликован, он как враг народа и предатель был расстрелян, а его семья репрессирована и долго томилась в ссылке.

То же можно сказать и о генералах Павлове, Климовских, Григорьеве, Клич, т. е. о руководстве фронта, как будто только они были виновниками катастрофы на фронте.

Я лично от начала и до конца был непосредственным участником этих событий. Со всей ответственностью могу сказать, что ни паники, ни растерянности с их стороны не было. Все, что можно было сделать в тех тяжелых условиях, делалось, но было поздно, мы расплачивались за упущенное время и за то, что были успокоены и верили, вернее нас заставляли верить, что немцы наши чуть ли не друзья, вспомните заявление ТАСС¹³ и снимки в газетах.

Лично я предлагал Климовских и Павлову за две-три недели до начала войны поднять войска по плану прикрытия, но они на это не пошли, было прямое указание не делать этого.

Эх, Леонид Михайлович! Если бы мы это сделали хотя бы за неделю до войны, разве бы мы дали немцам так быстро продвигаться, даже несмотря на их превосходство?..

Нельзя полностью обвинять Павлова и Климовских в бездействии и потому, что фактически руководил всем маршал Шапошников, который уже через 5–6 часов после начала войны прибыл в Минск (начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников находился в штабе Западного фронта с 23 по 30 июня 1941 г. – Ю.Р.). Вы пишете в книге, что он был в Могилеве, из Могилева я его отправил в Москву, а до этого все события докладывал лично

¹³ Имеется в виду заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором слухи о готовящемся нападении Германии на СССР назывались злостной провокацией.

ему. Все распоряжения по фронту были согласованы и одобрены им. Никогда не забуду слов, сказанных им, когда он уже сидел в машине и пожимал мне на прощание руку: “Не волнуйтесь, голубчик, наши неудачи временные, как результат внезапности, скоро все переменится”.

Вот как было дело, Леонид Михайлович!»¹⁴

...История рано или поздно расставляет все по своим местам. Правда о трагической судьбе генерала Павлова и его товарищей по несчастью в конце концов пробила дорогу к людям.

¹⁴ Цит. по: Исторический архив, 2006, № 2. С. 62–63.

Очерк 2. Из разведчиков – в дипломаты

«Прошу вас отозвать меня отсюда на Родину... В том, что сейчас здесь приходится выполнять, вполне обойдутся без меня, и я для этого не нужен. В данных обстоятельствах не нахожу необходимости и оправданий находиться здесь ни для себя, ни тем более как для заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии, кем я сюда послан и здесь известен»¹⁵. Такую телеграмму Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину, наркому иностранных дел В. М. Молотову и начальнику Генерального штаба Красной Армии маршалу Б. М. Шапошникову направил 25 августа 1941 г. из США генерал-лейтенант Ф. И. Голиков.

Каким образом заместитель начальника Генштаба – начальник Разведывательного управления оказался так далеко от Москвы в дни, когда битва за советскую столицу вступала в решающую стадию? В Англию, а позднее в США генерал Голиков был командирован решением Государственного Комитета Обороны СССР от 5 июля 1941 г. во главе военной миссии для налаживания союзнических контактов¹⁶. Миссия решала вопросы, связанные, прежде всего, с организацией поставок в СССР вооружения и военных материалов, а также с открытием второго фронта.

Но почему именно Голикову было доверено решать столь важную военно-дипломатическую задачу? Ведь, по его собственному признанию, полученное задание не соответствовало его жизненному опыту. Строевой командир на протяжении многих лет, он не имел ни малейшей практики дипломатической работы, никогда не был за границей, не говорил на иностранных языках. О мотивах решения Сталина можно лишь догадываться, но не исключено, что именно опыт Голикова как руководителя военной разведки и сыграл здесь главную роль.

Ощувив всю силу и мощь удара фашистского агрессора, в Кремле поняли, что победить его в одиночку, без союзников будет невероятно сложно. Собственно, это знали и раньше: не случайно негласные переговоры Москвы с Лондоном и Вашингтоном возобновились практически сразу же после нападения Гитлера на Польшу. Но не было полной ясности, как поведут себя западные демократии, когда война Германии и СССР станет свершившимся фактом.

К чести потенциальных союзников, они обозначили свою позицию сразу же. У. Черчилль высказался за всемерную поддержку и помощь Советскому Союзу уже 22 июня, Ф. Рузвельт – 24 июня. Однако характер помощи, масштабы, сроки ее оказания оказались за рамками деклараций британского премьера и американского президента. Более того, вопрос о заключении военного союза с советской стороной некоторое время даже не ставился.

СССР, со своей стороны, высказался за создание единого фронта народов для противодействия Гитлеру. Наша страна приняла на себя основной удар германской военной машины и была вправе рассчитывать на быструю и эффективную западную помощь.

Последовали и некоторые шаги по юридическому закреплению устных договоренностей. 12 июля 1941 г. британский посол в Москве Ст. Криппс и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов поставили подписи под советско-английским соглашением о совместных действиях в войне против Германии. О значении, которое придавалось соглашению в Кремле, говорит факт участия в церемонии подписания И. В. Сталина, заместителя наркома обороны СССР маршала Б. М. Шапошникова, наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова.

Однако жизнь показала, насколько сложно было преодолеть дистанцию, разделявшую декларации и практические дела. Западные союзники ссылались на географическую отдаленность СССР, ненадежность транспортных коммуникаций, недостаточные возможности соб-

¹⁵ Записная книжка маршала Ф. И. Голикова. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году. // Новая и новейшая история, 2004, № 2. С. 112.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 1, л. 90.

ственных экономик. Но проволочки с предоставлением эффективной помощи объяснялись и другими причинами: скепсисом военных и дипломатов обеих западных стран относительно способности СССР к сколько-нибудь длительному сопротивлению, традиционным антисоветизмом значительной части британского истеблишмента и силой изоляционистских кругов, а то и откровенных пронацистских лоббистов в США. То, что для СССР было вопросом жизни и смерти, для западных демократий представляло собой лишь новый вариант стратегической обстановки, которая для них самих явно изменилась к лучшему, поскольку фашистская агрессия устремилась на восток.

Острейшая ситуация на фронте, огромные жертвы, которые несла Красная Армия (по неполным данным, уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили около 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными), крайняя нужда в вооружении – все требовало как можно быстрее поставить сотрудничество с обозначившимися союзниками на практические рельсы. Первые шаги в этом направлении и должен был сделать генерал Голиков со своими подчиненными по военной миссии.

Накануне командировки на Британские острова его вызвал Сталин, продиктовавший, каких именно видов вооружения и стратегических материалов следовало добиваться от англичан. Исходя из первоочередных потребностей фронта, вспоминал Филипп Иванович, было решено в первую очередь запросить зенитные и противотанковые орудия, пулеметы, винтовки. Острую потребность Красная Армия испытывала также в самолетах, особенно бомбардировщиках, авиационных бомбах, броне, горючем и других стратегических материалах.

Но советский вождь понимал союзнические отношения значительно шире – и как предусматривающие совместные военные действия против общего врага. Поэтому Голикову было поручено поставить перед правительством короля Георга VI вопрос о последовательном осуществлении следующих операций: 1) высадка значительного десанта британских войск на севере Франции (данная операция рассматривалась как «особенно важная», и Москва рассчитывала на ее осуществление в кратчайшие сроки: «если не сейчас, то хотя бы через месяц»); 2) создание общего фронта на севере Европы, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и его союзниками; 3) начало боевых действий английских войск на Балканах (по срокам и важности эта акция уступала двум первым). Кроме того, советские военные дипломаты должны были настаивать на значительном усилении бомбардировок германской территории британскими ВВС¹⁷.

Поддерживая миссию Голикова, Сталин 18 июля 1941 г. обратился к Черчиллю с посланием, где подчеркивал значение открытия «второго фронта» против Германии. «Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией... – писал он. – Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию... Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»¹⁸.

6 июля советская военная миссия вылетела из Москвы. В ее состав кроме генерала Голикова входили два его заместителя: по вопросам ВМФ – контр-адмирал Н. М. Харламов и по

¹⁷ Анфилов В. А., Голиков Ф. И. Указ. соч. С. 384–385.

¹⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 10–11.

вопросам ВВС – полковник Г. П. Пугачев (начальник отдела военно-технической и экономической информации РУ Генштаба), полковник В. М. Драгун, майор А. Ф. Сизов, военный инженер 2-го ранга П. И. Баранов, секретарь миссии. В Лондоне к ним присоединились военный атташе полковник И. А. Скляр и его помощник майор Б. Ф. Швецов. Все они представляли Наркомат обороны, Разведуправление Генштаба, военный атташат в Лондоне, либо были специалистами в области конструирования и производства вооружения.

В Архангельске пересели на две летающие лодки «Каталина» британских ВВС и вновь взмыли в воздух. Перелет продолжался около суток и был сопряжен с немалой опасностью. В районе мыса Нордкап лишь благодаря мастерству пилотов удалось избежать атаки немецких истребителей. Посадку произвели в шотландском гидропорту Инвергордон, откуда поездом члены миссии отправились в Лондон.

На вокзале прибывшие были встречены с соблюдением всех норм протокола, но без особой сердечности, британские военные во главе с заместителем начальника Имперского Генштаба генералом Г. Паунеллом демонстрировали безупречную корректность и сдержанность. Начались мало привычные для строевого командира дипломатические будни – встречи, приемы, рауты, посещения заводов и верфей... И снова – встречи, любезные улыбки, отказы, политика и медленное, очень медленное, на взгляд московских посланцев, движение вперед.

Официальные контакты с британской стороной начались с приема у министра иностранных дел А. Идена. Последний встретил Голикова и сопровождавшего его посла И. М. Майского радушно. Заявление, которое сделал глава советской миссии, о твердой решимости советского народа продолжать борьбу против Германии, произвело на него большое впечатление, он заверил, что немедленно поставит об этом в известность премьер-министра. Иден сочувственно отнесся к предложениям организовать совместные боевые действия в районе Заполярья, а также к идее открытия «второго фронта» на севере Франции, но от прямых ответов уклонился, сославшись на собственную некомпетентность и посоветовав обсудить вопрос с руководителями военных ведомств.

К одному из них – военному министру Г. Моргенсону члены миссии и отправились, покинув кабинет Идена. «В стоячку» – такая запись осталась в записной книжке Голикова после посещения военного министра. Как вспоминал адмирал Н. М. Харламов, «руки Моргенсон нам не подал. Сесть не предложил... Слушал... рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярым противником сотрудничества... Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе»¹⁹.

Что ж, это было только начало. Новое разочарование ждало уже на встрече с начальниками штабов – Генерального, Главного штаба ВВС и Главного морского, хотя с нею связывались повышенные ожидания. В Великобритании (как и в США) общее политическое руководство военным министерством осуществлял гражданский администратор. Непосредственное же управление вооруженными силами сосредоточивал в своих руках начальник Имперского Генерального штаба, которым в тот момент являлся генерал Дж. Дилл. По аналогичной схеме строилось руководство министерствами авиации и морского. Поэтому, направляясь на встречу с генералом Диллом, а также с начальником Главного штаба ВВС вице-маршалом авиации Ч. Порталом и первым морским лордом – начальником Главного морского штаба адмиралом Д. Паундом, члены советской миссии рассчитывали на профессиональный разговор – как военные с военными.

«Мы явились к ним с намерением прямо и искренне обсудить наши вопросы, – вспоминал Голиков. – Однако конструктивного разговора не получилось. Сказать, что поведение наших партнеров на протяжении всей беседы было подчеркнуто формальным – значит сказать

¹⁹ Харламов Н. М. Трудная миссия. М., 1983. С. 35.

очень мало. Дело обстояло значительно хуже: чувствовалось полнейшее отсутствие у них всякого желания пойти навстречу нашим предложениям»²⁰.

Британские военные руководители явно не верили в успех борьбы Советского Союза против гитлеровского нашествия. Да они ли одни? Ведь встреча состоялась 9 июля 1941 г. – позади были первые три недели, в течение которых вермахт продвинулся в глубь советской территории на различных направлениях от 300 до 600 километров. Катастрофа советских войск в Белоруссии, глубокий прорыв немцев на северо-западном и юго-западном направлениях, о чем британские чины были, безусловно, информированы, настраивали их на скептический лад. Если начало военных действий на советско-германском фронте вселило в них надежду на устранение непосредственной угрозы гитлеровского вторжения на Британские острова, то с учетом громких побед вермахта над полях Белоруссии и Украины английскому военному руководству приходилось опасаться, не придется ли вновь оказаться с Гитлером один на один. Потому планы войны, как ни упрекал их Ф. И. Голиков, они в первую очередь стремились согласовать с Соединенными Штатами.

Чувство некоторого удовлетворения вызвала последняя встреча этого насыщенного впечатлениями дня. Посланцы Москвы вели переговоры с уже известными им заместителями начальников штабов – Имперского Генерального генерал-лейтенантом Г. Паунеллом, Главного штаба ВВС вице-маршалом авиации Н. Боттемли и Главного морского вице-адмиралом Т. Филиппсом, которые накануне встречали делегацию на лондонском вокзале Юстон. В отличие от предыдущих встреч, здесь удалось перевести в практическую плоскость некоторые волновавшие Голикова и его товарищей вопросы: о помощи в эвакуации со Шпицбергена советских горняков и об участии в боевых действиях на морских коммуникациях в Арктике нескольких боевых кораблей британских ВМС (места для их базирования в Кольском заливе предоставляла советская сторона). В то же время предложение о занятии англичанами архипелага Шпицберген и острова Медвежий, принадлежащих Норвегии, для предотвращения их захвата немцами, поддержки не встретило. Новая постановка вопроса о высадке десантных войск в Северной Франции вообще была обойдена молчанием.

Чтобы побудить партнеров к встречным шагам, советская сторона согласилась, в случае совместной операции на Севере, взять на себя обеспечение их войск и сил флота горючим, заявила о готовности делиться разведанными об авиации противника, показать англичанам нашу авиационную технику и организовать посещение ими передовой. Больше того, с разрешения Сталина генерал Голиков выразил готовность СССР предоставить дальним бомбардировщикам королевских ВВС возможность использовать советские аэродромы, лишь бы добиться значительного усиления их авианалетов на рейх. Здесь же, на этой встрече, английской стороне были переданы списки заказов на вооружение и стратегические материалы, в которых особо нуждалась Красная Армия.

«Первый день в английской столице прошел все-таки недаром», – с удовлетворением констатировал Голиков.

В последующие два дня он вместе с послом И. М. Майским встречался с морским министром А. Александером и министром авиации А. Синклером, присутствовал на коктейль-пати в гостинице «Ритц», устроенном от имени начальника Имперского Генштаба генерала Дилла. Как писал Н. М. Харламов, «из всех деятелей тогдашнего английского правительства Александер, быть может, наиболее честно относился к союзническим обязательствам». Вероятно, так и было, потому что уже в ходе повторной встречи с ним 11 июля удалось серьезно продвинуться в направлении организации совместной операции в Арктике. Руководители королевского британского флота сообщили о концентрации боевых кораблей специально для нее.

²⁰ Анфилов В. А., Голиков Ф. И. Указ. соч. С. 390.

Присутствующим был представлен ее будущий командир – контр-адмирал Ф. Вайан, внешне грубоватый, прямолинейный, но, как показалось членам нашей миссии, искренний и деловой человек. В его биографии был уникальный факт, вызывавший зависть у каждого английского моряка – участие в качестве командира дивизиона эсминцев в потоплении в мае 1941 г. грозы морей германского крейсера «Бисмарк». Позднее, уже в 1942 г., в качестве командира легкого крейсера «Эдинбург» Вайан участвовал в проводке союзных конвоев из Рейкьявика в Мурманск и обратно. А пока для организации совместных действий он должен был побывать в Полярном, в штабе Северного флота, куда и планировал вылететь в ближайшие дни.

Что касается Голикова, то он в сопровождении своего подчиненного по Разведывательному управлению Генштаба полковника В. М. Драгуна на следующий день отправился в Москву, куда был срочно отозван для личного доклада Сталину. Обратная дорога оказалась еще более тяжелой, чем путь в Лондон, и заняла больше трех суток.

17 июля на «ближней» даче вождя в Кунцево генерал обстоятельно проинформировал Сталина о результатах своих контактов на Британских островах. Но хозяин дачи уже смотрел дальше. Росло понимание необходимости установления более прочных и обширных контактов с Америкой, которая в силу своего экономического и военного потенциала могла оказать СССР куда более действенную помощь. Филипп Иванович получил приказ срочно вылететь в США: прозондировать настроения в высших кругах страны, срочно организовать приобретение вооружения и стратегических материалов, изучить условия, на которых нашей стране мог быть представлен финансовый заём, обсудить со специалистами возможные маршруты перегона самолетов (не исключался маршрут через Аляску и Алеутские острова). Было предписано лететь опять через Лондон, чтобы встретиться с находившимся там личным представителем президента США Г. Гопкинсом.

Вновь – подмосковный аэродром, вновь аэродром «Ягодники» близ Архангельска, взлет и... вынужденное возвращение. Летаящая лодка с делегацией на борту столкнулась с одним из истребителей сопровождения. В результате были повреждены рули управления, один из моторов, сломана мачта антенны. С трудом удалось совершить посадку в Ягодниках. Пока дождались прибытия с Британских островов нового гидросамолета, пока наладилась погода, наступило 22 июля. Голиков получил по телефону от своего заместителя по Разведуправлению генерал-майора А. П. Панфилова сообщение о первом массированном авианалете немцев на Москву в ночь на 22-е. «Сообщения бодрящие», – записал он в блокнот, хорошо зная, как много расспросов ждет его об этом событии в британской столице. Ведь после 1 сентября 1939 г. сама Великобритания подвергалась интенсивным бомбардировкам германской авиации.

Рассказать союзникам было о чем. Московская ПВО в целом справилась со сложной задачей: из участвовавших в налете более 200 самолетов было сбито 22. В городе возникли лишь отдельные разрушения и пожары.

...И вот, наконец, самолет в воздухе. Однако в планы не задавшейся с самого начала поездки в очередной раз пришлось вносить коррективы. Сорвалась встреча с Гопкинсом (они познакомятся только через три недели, уже на американской земле). Дело в том, что добравшемуся 23 июля до Лондона Голикову англичане не гарантировали вылет в США (через Канаду) ранее 28-го, хотя он и просил максимально ускорить поездку. Однако в тот же день, к удаче генерала, выпала оказия: на вылетавшем в США самолете для русских нашлось два места. Голиков и генерал-майор инженерно-технической службы А. К. Репин (представлявший Наркомат авиационной промышленности) спешно вылетели в Прествик под Глазго, а оттуда уже стартовали на Монреаль.

Летели на американском бомбардировщике с демонтированным вооружением. В числе пассажиров были летчики и летные специалисты, занимавшиеся перегоном американских

самолетов в Англию. На высоте в 3–5 тысяч метров во время резких движений ощущался недостаток кислорода, так что несколько англичан и американцев «сосали» кислород.

Лежа в хвостовом отсеке и посматривая то в иллюминатор, то с иронией на спутников, припавших к кислородным маскам, Голиков вспоминал свой утренний визит к А. Идену. Советские представители попытались жестче, чем прежде, поставить перед министром иностранных дел Великобритании вопрос о реальной технической и боевой помощи и сроках начала совместных боевых действий. Но Иден, как и в ходе прошлого визита Голикова в Лондон, обставлял оказание Советскому Союзу помощи рядом условий. Так, недостаточное знание «некоторых деталей» препятствовало оккупации Шпицбергена и острова Медвежий. Выражая готовность к осуществлению совместных с Красной Армией военных действий на севере Норвегии, британская сторона требовала надежного авиационного прикрытия морской десантной операции. Говоря о готовности начать бомбардировки Берлина, предупреждала о том, что поначалу королевские ВВС не смогут нанести противнику серьезный ущерб.

Однако подвижки все же были. 20 июля 1941 г. британское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур» с грузом глубинных бомб, магнитных мин, парашютов и некоторых других военных материалов. Правда, ни одна просьба о поставке для нужд Красной Армии самолетов, зенитных орудий, крупнокалиберных пулеметов, ряда других образцов вооружения и материалов, о которых шла речь на переговорах, в июле удовлетворена не была.

Уже когда генерал Голиков находился в США, британское правительство согласилось передать Советскому Союзу 200 истребителей P-40E «Киттихоук» из числа тех, которые должны были поставить Соединенные Штаты. Шаг к совместным ударам по фашистской Германии был сделан англичанами и на море. В середине июля в Полярный для переговоров с командованием Северным флотом прилетела группа офицеров британского флота, которую возглавляли контр-адмиралы Ф. Вайан (именно с ним в ходе первого визита в Лондон познакомился Голиков) и Дж. Майлс, через непродолжительное время ставший начальником британской военной миссии в Москве.

«Последний разговор английских представителей со мной, – вспоминал командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин, – заключался в следующем.

– Адмирал, – спросил Вайан, – какую помощь вы хотели бы получить от английских морских сил?

Не знаю, предполагал ли он такой ответ:

– У нас сейчас мало авиации, а нужно ударить по базам противника в Киркенесе и Петсамо. Прошу учесть, что операция может принести пользу и вам, если ваш отряд будет идти в Кольский залив. Желательно провести ее еще до прихода английских кораблей в наши воды.

Вайан заявил, что этот вопрос не в его компетенции, но лично он считает такую операцию возможной, о чем и доложит начальству».

Когда вскоре адмирал Головкин получил приказ народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова об отзыве с позиций всех подводных лодок, действовавших к западу от Кольского залива, то понял, что намечен тот самый удар по фашистским базам, о котором у него был разговор с Вайаном и Майлсом. Так и оказалось. 30 июля около полудня батареи и посты Северного флота на Рыбачьем донесли: «Над Петсамо и Киркенесом идет воздушный бой. Самолеты неопознанных типов бомбят оба эти пункта». А на другой день Главный морской штаб подтвердил, что Киркенес и Петсамо подверглись бомбардировке английских самолетов, взлетевших с авианосцев.

«Эффект ее был незначительный, а потери англичан велики, так как в обоих пунктах бомбардировщики попали под сильный зенитный огонь и под удары фашистских истребителей, – констатировал Головкин. – Английское командование явно недооценило противовоздуш-

ную оборону Киркенеса и Петсамо»²¹. Тем не менее первый шаг к совместной борьбе британских и советских моряков на Севере был сделан.

...Все-таки 17-часовой перелет в США оказался очень утомительным. Поглядывая вниз на кажущуюся с такой высоты недвижимой океанскую поверхность, а потом на скудную растительность, блюда бесчисленных озер и каменные груды Ньюфаундленда, напоминавшие Русский Север, Голиков набросал в записной книжке два списка. В первый он включил фамилии американских государственных деятелей, на взаимопонимание которых он рассчитывал в ходе переговоров – Ф. Рузвельта, Г. Гопкинса, Г. Моргантау – министра финансов, Г. Икеса – министра внутренних дел, Дж. Джонса – министра торговли, Ф. Нокса – военно-морского министра, Д. Ачесона – помощника государственного секретаря. Во второй вошли К. Халл – государственный секретарь США, С. Уоллес – его заместитель, А. Бэрли – помощник госсекретаря, в их объективности и понимании общих интересов борьбы у Голикова уверенности не было. Поскольку эти списки составлялись по отзывам других лиц, позднее они потребовали серьезной корректировки: первый список сокращался, второй увеличивался, в том числе за счет первого. Такова была жестокая реальность.

Только утром 26 июля глава советской военной миссии добрался до Нью-Йорка. Встреченный на аэродроме послом К. А. Уманским и полковником И. М. Сараевым, советским военным атташе в США, он тут же вместе с ними пересел на самолет до Вашингтона и в 14.00 входил в кабинет временно исполняющего обязанности государственного секретаря С. Уоллеса (К. Халл уже довольно долго болел). «Строг. Сух. Формален. Скуп. Скрытен», – позднее записал Голиков в блокноте.

От Уоллеса советские военные дипломаты узнали о предстоящей поездке в СССР Г. Гопкинса. В литературе имеются сведения о том, что Гопкинс должен был передать И. В. Сталину послание президента США (его следов исследователям, правда, обнаружить не удалось) следующего содержания: «Правительство Соединенных Штатов окажет всю возможную помощь в получении вооружения, снаряжения и других видов снабжения, необходимых для удовлетворения самых неотложных нужд и которые могут быть доставлены для реального использования в нашей стране в ближайшие два месяца. Мы быстро урегулируем детали этих вопросов с находящейся сейчас в Вашингтоне миссией, возглавляемой генералом Голиковым»²².

Обнадеживающим показалось и сообщение Уоллеса о планах Рузвельта принять в ближайшие дни генерала Голикова и посла Уманского. С врио госсекретаря советские представители обсудили ранее переданную по дипломатическим каналам заявку на вооружение, топливо и другие стратегические материалы. Учитывая потенциал США, звучали куда большие цифры, чем при переговорах в Англии, но все же не такие, на которые рассчитывал Голиков. Так, американцы оказались готовы выделить лишь 115 тыс. тонн авиационного бензина, два танкера для их перевозки, две тыс. тонн толуола, необходимого для производства тротила, «некоторое» количество зенитных орудий, истребителей Р-40Е «Киттихоук» и бомбардировщиков «Локхид-Гудзон». Конкретные цифры Уоллес старательно обходил. Уклонился он и от принятия новой заявки, сославшись на то, что прежде следует узнать, насколько полно правительство готово удовлетворить первоначальные запросы русских.

В этот же день Голиков и его спутники были на приеме у начальника штаба армии США генерала армии Дж. Маршалла, одного из главных авторов военно-стратегических планов США и Великобритании во Второй мировой войне. Беседа с одним из руководителей американской армии оживилась лишь тогда, когда зашла речь о первых уроках войны СССР с Германией, особенно в области борьбы с танковыми соединениями в глубине обороны.

²¹ Головкин А.Г. Вместе с флотом. М., 1984. С. 90–91.

²² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 518.

Когда же наши представители повели речь о необходимости срочной и серьезной помощи Красной Армии со стороны США, Маршалл был крайне сдержан. Ссылаясь на отсталость собственной армии, отставание военного производства, не стал скрывать и силы изоляционистов в конгрессе, сопротивление которых президенту и его администрации удавалось преодолевать с трудом. Американский генерал согласился с тем, что русский фронт имеет решающее значение в разгроме гитлеровской Германии, и потому необходимо принципиально иное, чем до 22 июня 1941 г., распределение союзных ресурсов в пользу СССР. Но, как и другие должностные лица, конкретного рассмотрения вопроса избегал.

Начало следующего рабочего дня Ф. И. Голиков и сопровождавшие его специалисты встретили в кабинете помощника государственного секретаря Д. Ачесона. Здесь генерал в очередной раз столкнулся с линией поведения, которую он назвал «тактикой проволоочек». Как оказалось, госдепартамент даже не располагал конкретным перечнем оборудования, намеченного к поставке в СССР. Американцы были готовы удовлетворить заявки Советского Союза лишь в незначительной степени. В дополнение к тому немногому, о чем наши представители услышали накануне от С. Уоллеса, власти разрешили закупить по линии «Амторга» (смешанное советско-американское акционерное общество) молибден, электролитный свинец, стальные трубы, бензобаки. Было получено разрешение также на приобретение оборудования для одного автошинного, трех крекингowych и одного завода, предназначенного для производства высокооктанового бензина. Но американское правительство никак не отреагировало на запрос о закупке алюминиевого прокатного стана, установки для производства толуола и некоторых других промышленных объектов. Так или иначе, удалось разместить заказы на сумму около 70 млн долларов. Какой-никакой, но шаг вперед был сделан.

Довольно быстро наши представители обнаружили, что среди других препятствий оказалась и британская ревность. Дипломаты, военные и бизнесмены с Британских островов, находившиеся на американской земле, сильно беспокоились, как бы советские заявки на поставки вооружения из США не перебили аналогичные заявки с их стороны. Больше того, они были не прочь получить под свой контроль поставки в нашу страну из США. На приеме у посла Великобритании в Вашингтоне лорда Э. Галифакса военно-воздушный атташе коммодор авиации А. Харрис убеждал советских военных, что нет никакого смысла перегонять или транспортировать в разобранном виде авиационную технику непосредственно в СССР. Если доставлять самолеты через Дальний Восток, то они будут применены в лучшем случае спустя месяца четыре, а если по маршруту Гренландия – Исландия – Архангельск, то потребуется не менее двух месяцев. Учитывая фактор времени, авиацию нужно направлять в Англию и применять оттуда, убеждал Харрис.

Собеседником Голикова был не кто иной, как будущий маршал авиации, командующий британской стратегической авиацией. Через два года он будет собирать по тысяче бомбардировщиков, чтобы за один налет систематично стирать с лица земли целые города на территории Германии, под один из таких ударов в феврале 1945 г. попал Дрезден. А в августе 1941-го этот инициатор и идеолог «ковровых бомбардировок» противился любому призыву поделиться лишней боевой машиной с истекающим кровью союзником.

Противники установления с СССР прочных контактов не гнушались и низкопробных средств. Неожиданно к Голикову явился представитель военного ведомства США при советской военной миссии полковник Ф. Феймонвилл (бывший до войны военным атташе в Москве) с прямым поручением президента Рузвельта выяснить, насколько правдива информация о том, что во Владивостоке будто бы образовалась транспортная пробка, препятствующая доставке военных грузов. И если это так, то, очевидно, требуется послать туда американских транспортников и специалистов по складскому хозяйству, чтобы помочь навести порядок. Голиков решительно отмел эту «утку» и заявил, что в иностранных спецах СССР в данном случае не нуждается.

Новые и новые контакты с различными должностными лицами убеждали его, что американцы не склонны излишне активничать при выполнении советских заявок. Отчаянное положение на советско-германском фронте при этом совершенно не учитывалось. Генерал Голиков связывал это с тем, что в управленческих органах засели люди, которыми «руководило главное – политическая неприязнь к Советскому Союзу». Отчасти он был прав. Известно, например, что военно-морской министр США Ф. Нокс, с которым встречались члены советской миссии, в июле заключил с министром финансов Г. Моргантау пари, утверждая, что к сентябрю 1941 г. немцы возьмут Ленинград, Москву, Киев, Одессу.

Однако справедливости ради надо сказать, что дело было не только в плохо скрытой неприязни к большевистскому СССР и в непонимании решающего значения советско-германского фронта для исхода мировой войны. Промышленность США только начинала переходить на рельсы военного времени. В условиях частной собственности многие американские промышленники, тот же Генри Форд, просто не желали налаживать военное производство в нужном масштабе. А рычаги влияния у власти были, конечно, несравнимы с теми, которыми обладал в Советском Союзе Сталин.

«Правительство, – писал Р. Шервуд, – могло умолять и упрашивать, но оно не могло заставить промышленников переводить заводы на военные рельсы. Точно так же оно не могло подкрепить свои контракты удовлетворительными долгосрочными гарантиями». Работы нередко прекращались из-за забастовок. Впервые за всю свою политическую деятельность Рузвельт для прекращения одной из таких забастовок – на авиационном заводе «Норт Американ» в Инглвуде (Калифорния) – использовал армию, «хотя такое решение было чрезвычайно неприятно для него»²³.

Так или иначе, но Ф. И. Голиков и посол К. А. Уманский доложили И. В. Сталину о сопротивлении, на которое советская миссия натолкнулась в военном ведомстве и госдепартаменте США при решении вопросов о материальных поставках в СССР. Они понимали, что только перевод разговора на высший уровень способен изменить ситуацию к лучшему. Свой доклад они сделали накануне прибытия в Москву 28 июля 1941 г. специального посланника американского президента Г. Гопкинса.

Но и в Вашингтоне советские представители сами пытались использовать возможности того же высшего уровня. 31 июля Голиков, Уманский и Репин были приняты президентом США. Рузвельт держался непринужденно, благожелательно, в обращении оказался проще своих министров, с которыми ранее встречались члены миссии. Хотя адъютант президента заранее предупредил гостей, что на визит отведено 15 минут, Рузвельт не проявил никакой спешки, и беседа шла столько, сколько потребовалось.

По собственному признанию Голикова, он и его товарищи не стали миндальничать и жестко заговорили о неудовлетворительном ходе работы их миссии, низкой результативности контактов с американскими официальными лицами, об их попытках переложить друг на друга вину за нераспорядительность. Посланцы Москвы прямо просили президента лично вмешаться, дать конкретные указания по выполнению военной заявки СССР, учитывая остроту противоборства, развернувшегося в огромной полосе советско-германского фронта.

Рузвельт, со своей стороны, отметил важную роль, которую играет Красная Армия, сражаясь с нацистами, и признал, что ему самому надоели бесконечные словопрения, которыми подменяются меры по организации помощи союзнику. Но сам пока мог дать лишь одну конкретную информацию – о 200 самолетах Р-40Е «Киттихоук» из той большой партии, которую США начали переправлять в Великобританию. Англичане согласились переуступить их Советскому Союзу. Но не все было так просто: примерно 150 боевых машин уже находились на Британских островах, остальные были еще в США. На многих из них отсутствовало вооружение,

²³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 466.

они не были обеспечены боеприпасами, недостаток в которых американская армия испытывала сама. Тем не менее Рузвельт пообещал ускорить решение о предоставлении Советскому Союзу уже вооруженных и снаряженных самолетов.

Стремясь покончить с волокитой, президент не погнушался лично, с карандашом в руках рассмотреть вместе с членами советской миссии их последнюю заявку. Довольно обстоятельно обсудили возможные маршруты и способы транспортировки самолетов из США непосредственно на советский Дальний Восток.

Вмешательство Рузвельта, как ожидали Голиков и его коллеги, должно было придать необходимый импульс усилиям госаппарата. «С прибытия этой советской миссии и начался военный этап выполнения программы помощи Советам, – писал начальник Управления по соблюдению закона о ленд-лизе Э. Стеттиниус, будущий государственный секретарь США. – Генералов Голикова и Репина приняли президент и члены правительства. Вскоре Рузвельт выступил на заседании кабинета и напомнил, что война в России идет уже шесть недель, но пока в Россию не отправлены никакие нужные ей товары. Он попросил Уэйна Коя из Управления по чрезвычайным ситуациям просмотреть утвержденные списки материалов, предназначенных для России. “Действуйте как колючка, которая заставляет двигаться”, – сказал он»²⁴.

Бюрократия, однако, была весьма сильна. Это при установленном в Советском Союзе режиме власти, к чему привык Голиков, указания Сталина воспринимались как закон и вызывали мгновенную реакцию, не то было в демократической Америке. Буквально через пару часов после randevu с президентом полковник Феймонвилл заявил советским представителям, что полученные ими цифры выделяемых для СССР самолетов «нереальны», и вообще призвал умерить «излишний оптимизм посольства», поскольку де «в Белом доме придерживаются другой линии».

А на состоявшейся на следующий день встрече с генерал-майором Дж. Бирнсом, представителем американской администрации по ленд-лизу, возникла настоящая перепалка. Бирнс – «правая рука» Уоллеса (после войны он и сам стал госсекретарем США) в ответ на высказанную ему неудовлетворенность по поводу бесконечных проволочек с организацией поставок заявил буквально следующее: «А вы не ждите, что вам здесь откроют кран и все пойдет широкой струей». Генерал Репин отреагировал резко: «Пусть хотя бы капало».

«Разошлись плохо. Настроение матерное, злое», – такая запись появилась после этой встречи в блокноте Голикова.

Руководитель советской военной миссии был разочарован и знакомством со специальным представителем президента США и его личным другом Гарри Гопкинсом. Встреча состоялась 20 августа, то есть после возвращения последнего из Москвы, и Гопкинс, по воспоминаниям Голикова, козырял своей осведомленностью, упирал на то, что Сталин сообщил ему исчерпывающую информацию о положении Красной Армии и её потребностях в технике и вооружении. Он был против немедленных поставок в СССР, считая необходимым отодвинуть их на более поздний срок, и утверждал, что в этом вопросе они с советским лидером выступают заодно. В это Филипп Иванович не мог поверить, помня об инструкциях, данных ему Сталиным. Когда же посол Уманский заявил, что советская сторона настаивает на полной ясности в вопросе поставок, американец вскочил с места и раздражено заявил, что он не терпит слово «настаивать» и потому отказывается вести дальнейший разговор.

Словом, общее впечатление, которое произвел Гопкинс на Голикова, было невыгодным. В мемуарах Филипп Иванович еще был сдержан, а вот в записной книжке по горячим следам сполна дал волю своим чувствам: «Сегодня обрел “счастье” наконец-то улицезреть и познакомиться с “самим” мистером Гопкинсом. Сколько о нем мне говорили до того хорошего! Сколько на него возлагалось надежд!.. Как подчеркивалось не раз, насколько болен и измучен

²⁴ Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000. С. 173.

этот человек, как ему тяжело достается жизнь, сколько в нем мученичества, подвижничества и прочего. И вот сегодня он действительно явился и показал всем своим нутром распоясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося и зарвавшегося прихвостня большого человека, возмнившего себя не глупее и не меньше своего патрона; решившего, что мы, люди Советского государства, должны перед ним держаться и чувствовать себя просителями: молча, терпеливо ждать и быть довольными крохами с барского стола»²⁵.

Правда, Гопкинс на следующий день позвонил послу, сослался на нездоровье и просил не сердиться на него за проявленную горячность. В дальнейшем он немало сделал полезного для налаживания американско-советских союзнических отношений, но его поведение показывало, что даже наиболее разумные и дальновидные представители истеблишмента США находились тогда в плену настроений, характерных для мирного времени. Советским представителям приходилось в жесткой, настойчивой манере доводить до их сознания всю остроту положения на фронте борьбы с гитлеровским рейхом.

И в этом смысле назначение руководителем военной миссии именно генерала Голикова оказалось оправданным. Скорее всего, Сталин в наведении первых мостов с союзниками рассчитывал больше на прямоту и волевым напором старого солдата, нежели на тонкое знание этикета и традиционную уклончивость профессиональных дипломатов. И в самом деле, генерал Голиков, не подменяя Майского в Лондоне и Уманского в Вашингтоне, существенно дополнял их.

За несколько недель пребывания в США главе военной миссии СССР удалось несколько раз повстречаться и вести переговоры практически со всеми сколько-нибудь значимыми фигурами политики и бизнеса, установить доверительные отношения с теми из них, кто проявил наибольшую заинтересованность в успешной деятельности миссии. Среди последних Голиков выделял двух министров: финансов – Г. Моргантау и внутренних дел – Г. Икеса, а также К. Халла – государственного секретаря США, вернувшегося после болезни к исполнению своих обязанностей как раз во время пребывания советской миссии в Вашингтоне, и О. Кокса – юридического советника из аппарата генерала Дж. Бирнса. Хождения по коридорам власти перемежались визитами на заводы и в мастерские, посещением Абердинского полигона в штате Мэриленд для осмотра техники из старых запасов, которую американцы были готовы передать Красной Армии. Изнурительные переговоры, когда, выражаясь словами Филиппа Ивановича, приходилось «зубами вырывать» то, что было обещано американским правительством, едва ли не каждый день завершались далеко за полночь перепиской с советскими наркоматами – заказчиками вооружения и стратегических материалов, Генштабом и Разведупром.

И чем дальше, тем больше у Голикова рождалось ощущение того, что все возможное с его стороны уже сделано. Необходимые контакты с должностными лицами установлены, работа миссии все больше смыкается с повседневной деятельностью «Амторга» и закупочной комиссии. Смысла в дальнейшем пребывании за границей генерал больше не видел. Властно звали на Родину и сводки с фронта. Тогда-то и отправил Голиков телеграмму на имя Сталина, Молотова и Шапошникова, с которой начался наш рассказ. 27 августа он получил указание возвратиться в Москву.

Его недовольство своей работой во главе военной миссии понятно. Однако, несмотря на новизну и сложность задач, неблагоприятный событийный фон на фронте, непонимание, а то и откровенный саботаж со стороны ряда должностных лиц в Великобритании и США, Филиппу Ивановичу и его подчиненным удалось сделать немало, в первую очередь по организации транспортировки в СССР вооружения.

31 августа 1941 г. в Архангельск с Британских островов прибыл первый конвой с военными грузами, доставивший 49 самолетов, 800 магнитных мин, 3 тыс. бомб, 1,1 млн патронов. Маловато, конечно, но и за это советские воины были благодарны союзникам. Иностранная

²⁵ Цит. по: Новая и новейшая история, 2004, № 2. С. 110.

техника в их руках хорошо служила уничтожению врага. На одном из «Киттихоуков» на Севере воевал, например, дважды Герой Советского Союза Б. Ф. Сафонов, сбивший на нем немало самолетов противника.

В августе началось уже систематичное движение конвоев. По договоренности с представителями британского военно-морского командования путь конвоев был разделен на две операционные зоны: одна тянулась от Британских островов через Исландию до острова Медвежий, и конвои в ее пределах обеспечивались исключительно эскортом из английских кораблей; вторая занимала пространство от Медвежьего до Архангельска, здесь движение конвоев прикрывалось английскими кораблями и подводными, воздушными, надводными силами Северного флота. Закладывалась героическая, а подчас и трагическая история знаменитых конвоев PQ и QR.

16 августа 1941 г. в Москве было подписано советско-английское соглашение о товарообороте, кредите и клиринге, предусматривавшее предоставление Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн фунтов стерлингов.

Разворачивались в сторону Советского Союза и американцы. По свидетельству Э. Стеттиниуса, стоимость программы советских закупок в США (а до распространения на СССР закона о ленд-лизе наша страна либо платила золотом, либо получала вооружение и материалы в счет кредитов) к осени возросла до 145,7 млн долларов. 30 августа из Нью-Йорка вышел первый транспорт с техникой и вооружением для нужд Красной Армии.

Воистину семимильный шаг вперед был сделан на Московской конференции трех держав (29 сентября – 1 октября 1941 г.), ее участником в составе советской делегации был и генерал Голиков. Главы делегаций В. М. Молотов, У. Гарриман и У. Бивербрук подписали секретный протокол о поставках сразу на девять месяцев – с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. Характерна реакция бывшего наркома иностранных дел М. М. Литвинова, занятого на переговорах в качестве переводчика. Когда протокол был подписан, он, не стесняясь присутствия Сталина и других, вскочил с места с громким восклицанием: «Теперь мы выиграем войну!»

США из средств, ассигнованных на ленд-лиз, предоставили Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов, а в феврале 1942 г. – еще один такой же кредит. 7 ноября 1941 г. Соединенные Штаты распространили действие закона о ленд-лизе на СССР. Благодаря этой мере наша страна была освобождена от оплаты за все материалы, поставленные из США и использованные (уничтоженные) во время войны, а материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачивались полностью или частично в порядке долгосрочных кредитов.

Всего за годы войны в Советский Союз было поставлено (в первую очередь по ленд-лизу) около 17 млн тонн грузов, в том числе: свыше 22 тыс. самолетов различных типов, 11,9 тыс. танков, 13 тыс. орудий и минометов, 410 тыс. автомобилей, 8,7 тыс. артиллерийских тракторов-тягачей, 11 тыс. вагонов, около 2 тыс. паровозов, 36 тыс. радиостанций, 345 тыс. тонн горюче-смазочных материалов и взрывчатых веществ, 4,7 млн тонн продовольствия и другое вооружение и стратегические материалы²⁶.

Мы забежали далеко вперед, а тогда, осенью 1941-го, голова Голикова была полна уже совершенно иных забот. Получив назначение командующим 10-й резервной армией, он вместе со штабом в спешке сформировал и выдвинул ее в район Рязани и Рязска. Здесь армия, вошедшая в состав Западного фронта уже без приставки «резервная», 6 декабря нанесла первый удар по 2-й танковой армии Гудериана. До конца своих дней Филипп Иванович как одним из своих главных ратных свершений гордился тем, что войска 10-й армии в числе первых в контрнаступлении под Москвой освободили крупный населенный пункт. Это был город Михайлов Рязанской области, жители которого приняли будущего маршала в почетные граждане.

²⁶ Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 1–4. М., 1998–1999. Кн. 4. С. 213.

И в дальнейшем войска генерала Голикова воевали на важных направлениях. С апреля 1942 г. он – командующий Брянским и Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией Сталинградского фронта, затем – заместитель командующего Сталинградским и Северо-Западными фронтами. Как и у многих других полководцев, были в судьбе Филиппа Ивановича в тот период победы, случались и серьезные неудачи.

В октябре 1942 г., накануне Сталинградской наступательной операции, Верховный Главнокомандующий вновь вернул генерал-полковника Голикова на должность командующего войсками Воронежского фронта. Фронт сыграл основную роль в осуществлении к 3 марта 1943 г. Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции. По размаху и достигнутым результатам это была одна из крупнейших операций в годы войны. Всего за 50 суток наши войска продвинулись на глубину 360–520 км, освободили от оккупантов значительную территорию и ряд крупных городов – Воронеж, Курск, Белгород и Харьков. Было разгромлено 26 вражеских дивизий.

Однако вслед за тем Голикова ждал серьезный провал. Генерал, развивая наступление, переоценил возможности вверенных ему войск. А разведка фронта просмотрела сосредоточение значительных танковых сил немцев, которые нанесли сильный контрудар по ослабленным войскам.

По собственному признанию Филиппа Ивановича, «ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение моторизованных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать отсюда свой контрудар»²⁷. В результате советские войска вынуждены были не только оставить Харьков, а затем Белгород, но и с большими потерями отойти назад на 100–150 км.

Голиков приказом Сталина был отстранен от командования войсками Воронежского фронта и направлен в распоряжение Ставки ВГК. В Москве он получил должность заместителя наркома обороны по кадрам. Но даже столь высокое назначение не избавило его от ощущения несправедливости – а именно так генерал воспринимал снятие с должности командующего.

В феврале 1944 г. Филипп Иванович обратился к Сталину с письмом, в котором прозвучала настойчивая просьба о направлении его на фронтовую командную работу. «Стремление на фронт у меня неистребимо», «для меня это призвание», – писал он Верховному Главнокомандующему. Свое отстранение от должности комфронтом Голиков отчасти связывал с отношением к нему представителя Ставки ВГК маршала Жукова, которое казалось ему предвзятым. «Я не хочу и не могу выйти из Отечественной войны на положении снятого с фронта командира», – писал он, заверяя, что его командный потенциал не исчерпан, а «способность по-серьезному бить немцев мною доказана на деле»²⁸. К слову, представители Ставки Г. К. Жуков и А. М. Василевский, командированные в марте 1943 г. на Воронежский фронт, на самом деле рекомендовали не снять Голикова, а переместить его на должность командующего вновь создаваемым Орловским фронтом²⁹. Но Верховный, раздраженный крупной неудачей, принял иное решение.

Филипп Иванович до конца войны и после нее трудился только в центральном аппарате – заместителем наркома обороны по кадрам, начальником Главного управления кадров сначала Наркомата обороны, а затем – Министерства Вооруженных Сил, руководил Военной академией бронетанковых войск. Возглавляя Главное политическое управление СА и ВМФ, 8 мая 1961 г. удостоился высшего воинского звания Маршал Советского Союза. С июня 1962 г. и до

²⁷ Цит. по: Великая Отечественная война. Кн. 2. С. 189.

²⁸ Исторический архив, 2000, № 2. С. 12.

²⁹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М., 1985. Кн. 1. С. 159.

дня своей кончины в июле 1980 г. Филипп Иванович состоял в группе генеральных инспекторов.

В этот период он смог обратиться к литературному труду, поработать в военных архивах, изложить пережитое на бумаге. Захотелось ему рассказать и о своей военно-дипломатической работе. К концу 60-х гг. маршал подготовил рукопись небольшой книги «С военной миссией в Великобританию и США», фрагменты которой были в 1969 г. опубликованы в журнале «Новая и новейшая история». Но в целом рукопись так и осталась в ящике рабочего стола автора.

Мемуары Филиппа Ивановича, как представляется, стали невольной жертвой большой политики. В начале 70-х гг. советский лидер Л. И. Брежнев энергично налаживал личные контакты с президентом США Р. Никсоном, утверждал политику разрядки международной напряженности. Были подписаны важнейшие соглашения по сокращению ядерных вооружений. На этом фоне мемуары известного военачальника, повествующего о далеко не безоблачных страницах в истории двух стран, наверняка были расценены как неуместные, несвоевременные. Не помогли ни маршальское звание автора, ни его членство в ЦК КПСС.

Только на излете советской истории в 1987 г. (то есть уже после смерти Голикова) книга увидела свет в издательстве «Прогресс», но лишь на английском и испанском языках. А на русском языке была издана и вовсе только в 2005 г.

Мемуары маршала отчетливо несут на себе отпечаток эпохи. Их автор явно отказывался понимать, что у США и Великобритании были собственные интересы, в чем-то совпадавшие с интересами Советской страны, а в чем-то нет. С позицией Ф. И. Голикова можно не соглашаться, но ведь так думало большинство советских людей. То, что в наши дни можно считать предрассудком, проявлением определенной узости мышления, тогда было убеждением людей, поднявшихся на смертельный бой с фашизмом: раз считаешь СССР своим союзником – энергично помогай ему не словом, а делом, действуй, а не ищи отговорки, жертвуй во имя победы, как всем жертвует советский народ.

В этом видятся очень важные штрихи к портрету военного поколения, и тут ни прибавить, ни убавить.

Очерк 3. Кнут свечкой

С самого начала войны стратегическое направление, на котором оборонялись войска Северо-Западного фронта, превратилось в арену драматических событий. Превосходя фронт по числу людей, артиллерии и танков, противник ударами 3-й танковой группы генерала Г. Гота и 4-й танковой группы генерала Э. Гепнера в первый же день расколол нашу оборону. К исходу 22 июня 1941 г. германские соединения вклинились на глубину до 60 км.

Отход с боями советских войск продолжался и в последующие дни. За три недели боевых действий Северо-Западный фронт оставил почти всю Прибалтику. С форсированием немцами реки Великая и захватом Острова и Пскова, к 10 июля создавалась реальная угроза их прорыва к Ленинграду.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин резко отреагировал на донесение командования фронтом об оставлении городов Острова и Пскова: «Истребительные отряды у вас до сих пор не работают, плодов их работы не видно, а как следствие бездеятельности командиров дивизий, корпусов, армий и фронта части Северо-Западного фронта все время катятся назад. Пора это позорное дело прекратить... Командующему и члену Военного совета, прокурору и начальнику 3-го управления – немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями...»³⁰

Однако никакими самыми грозными приказами невозможно было в короткий срок свести на нет преимущества, полученные противником в начале войны. Наши войска продолжали отступать, 15 августа оставив Новгород. В то же время отступление не было пассивным. Более того: закрывая путь на Ленинград, 12 августа из района юго-восточнее Старой Руссы нанесли сильный контрудар 11-я и недавно сформированная 34-я армии Северо-Западного фронта, активно поддержанные фронтовой и дальнебомбардировочной авиацией. За три дня они продвинулись в тыл новгородской группировки врага более чем на 60 км³¹.

К сожалению, как это нередко случалось в начале войны, контрудар не был достаточным образом подготовлен: острый недостаток ощущался, прежде всего, в авиации и средствах противовоздушной обороны. К тому же противник, быстро перебросивший в район Старой Руссы танковые, моторизованные и авиационные части, сумел предупредить советские войска в переходе в наступление. С подходом его новых сил 34-я армия стала беспорядочно отходить, личный состав был охвачен паникой.

В результате, как докладывал И. В. Сталину член Военного совета 34-й армии бригадный комиссар И. П. Воинов, к 20 августа она, «потеряв больше 50 % убитыми и ранеными, была настолько деморализована, что побежала беспорядочно». Армия потеряла почти всю артиллерию, из 86 тысяч в строю к 28 августа осталось, согласно этому донесению, лишь около 20 тысяч человек³².

Была и еще одна причина случившегося – утрата управления штабом армии. «Нужно сказать, – писал по этому поводу бывший командующий фронтом генерал армии П. А. Курочкин, – что незавершенность контрудара наших войск под Старой Руссой объясняется не только слабым их прикрытием с воздуха, но и тем, что управление соединениями, особенно в 34-й армии, оказалось далеко не на должной высоте»³³.

³⁰ Цит. по: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. Изд. 2-е. Кн. 2. М., 1990. С. 179.

³¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. С. 201.

³² ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 45, л. 272–273.

³³ Курочкин П. А. Мы сражались на Северо-Западном фронте // На Северо-Западном фронте. М., 1969. С. 19.

В результате Верховный Главнокомандующий, потеряв веру в местное военное руководство, направил на СЗФ группу своих уполномоченных, дабы их жесткой рукой обеспечить благоприятный перелом в развитии событий. В нее вошли заместитель председателя Совнаркома СССР Н. А. Булганин, генерал армии К. А. Мерецков, лишь недавно освобожденный из заключения и еще не получивший постоянной должности, и заместитель председателя СНК СССР, заместитель наркома обороны, начальник Главного политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис. Последнего следует, по-видимому, считать ключевой фигурой, прибывшей 9 сентября в штаб фронта группы: Булганин вскоре вернулся в Москву, а Мерецков уже 17 сентября получил назначение на Волховский фронт. Мехлис же пробыл здесь дольше всех, до 2 октября 1941 г., замыкая на себя исполнение важнейших полномочий.

Как известно, дурная слава бежит далеко впереди. Тем должностным лицам, кто знал, чем обычно сопровождался выезд армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса на тот или иной участок фронта, заблуждаться насчет своей дальнейшей судьбы не приходилось.

Почему? Сделаем небольшое отступление, чтобы стало ясно, по каким соображениям Лев Захарович был прислан на СЗФ. В число постоянных советников, институт которых уже на второй день войны был создан при Ставке Верховного Главнокомандования, он вошел сразу. Советы, однако, в столь напряженный момент должны были уступить место действиям. Вместо советников в Ставке явочным порядком начал функционировать институт ее представителей в войсках. По своим правовым возможностям и функциональным обязанностям входившие в него должностные лица заметно различались. По сути лишь члены Ставки являлись ее полноправными представителями, действовали от ее имени. Остальные лица выполняли роль уполномоченных в каждом конкретном случае. Их пребывание на фронте было обычно непродолжительным, главная задача состояла в уточнении обстановки, докладе в Ставку выводов по ней, помощи командованию на местах. Таковым уполномоченным Ставки в 1941 г. и был Л. З. Мехлис (хотя в документах его нередко именовали «представителем»).

Как профессиональному политработнику, ему не ставились задачи, относящиеся к управлению войсками. Его стихия была иной: политработа, надзор за высшим ком- и политсоставом, предельно откровенный доклад о политико-моральном состоянии на самый «верх». А кроме того – расследование действительных, а нередко и мнимых проступков различных должностных лиц, скорая расправа с неудобными вождю, а подчас и самому начальнику ГлавПУ. На практике Мехлис выступал в роли скорее не уполномоченного Ставки, а личного представителя Верховного Главнокомандующего.

Для командного состава Северо-Западного фронта не было секретом, что пребывание Мехлиса в аналогичной роли на Западном фронте в июне – июле завершилось расстрелом генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. Г. Григорьева, А. А. Коробкова и ряда других должностных лиц.

Первое донесение И. В. Сталину Н. А. Булганин, Л. З. Мехлис и К. А. Мерецков (в таком порядке они поставили свои подписи) отправили на следующий день после прибытия на фронт, 10 сентября. Обстановку, сложившуюся здесь, они оценили как «крайне неблагоприятную». В результате нового прорыва немцев 8 сентября был захвачен Демянск, противник, распространяясь на север, вышел на тылы 27-й, 34-й и 11-й армий. Создалась угроза Валдаю и тылам Новгородской оперативной группы. Между тем фронт был крайне ослаблен: большинство дивизий насчитывали буквально по несколько сот человек, не было ни одного танкового батальона. По мнению уполномоченных Ставки, остро требовались хотя бы одна танковая бригада, три танковых батальона и одна свежая стрелковая дивизия.

«Командующий фронтом Курочкин (лишь за две недели до этого сменивший в этой должности генерал-майора П. П. Собенникова. – Ю.Р.) еще не овладел обстановкой. Штаб

фронта (его возглавлял генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. – Ю.Р.) не знает точного расположения дивизий и их действий», – завершали уполномоченные свой доклад³⁴.

Обстановка настоятельно требовала стабилизировать линию фронта, укрепить позиции и не дать врагу пробиться к Вышнему Волочку, откуда он мог бы обойти советские соединения, стоявшие у реки Волхов. Больше всего прибывших из Москвы, по воспоминаниям К. А. Мерецкова, тревожил левый фланг 11-й и весь участок 34-й армий. С одной стороны, именно здесь, в сравнительно сухом месте на пути в Крестцы, Валдай и Бологое, можно было с наибольшей вероятностью ожидать очередного удара немцев. А с другой – у штаба фронта как раз с командованием 34-й армии и не было связи.

Второй эшелон штаба армии был обнаружен 11 сентября в тылу фронта недалеко от дер. Заборовье. Здесь оказались командарм-34 генерал-майор К. М. Качанов и начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. «Оба они, – писал Мерецков, – ничего толком о своих войсках не знали и выглядели растерянными»³⁵.

Свои мемуары полководец напечатал четверть века спустя описываемых событий, время, конечно, сгладило их остроту. Не все тогда позволено было и говорить. Что же осталось за рамками воспоминаний?

Генерал Качанов был обвинен в том, что, вопреки приказу командующего фронтом, самовольно приказал войскам отходить с занимаемого рубежа р. Шалковка, р. Полометь, Костыково, Тоболка, р. Пола. Потеряв управление, он бросил войска и «позорно ушел в тыл». (К слову: на неспособность Качанова руководить столь крупным соединением указывал в письме Сталину член военного совета армии Воинов, характеризуя его, как «грубого солдафона», который иначе, как с использованием «трехэтажного мата», с подчиненными не разговаривает и многим «бьет морду».)

Что касается генерала Гончарова, то, как докладывали проверяющие в Ставку, он проявил «полную бездеятельность в выводе материальной части артиллерии», к тому же «убежал трусливо в тыл» и двое суток «пьянствовал».

12 сентября уполномоченные Ставки доложили Сталину о результатах расследования действий командования, в том числе и об аресте Качанова. Мерецков лукавит, когда пишет в мемуарах: «Л. З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась». На самом деле под докладом Верховному стоят подписи всех уполномоченных, в т. ч. самого Кирилла Афанасьевича³⁶. Здесь же Сталину сообщалось о расстреле генерал-майора артиллерии Гончарова.

Пожалуй, в ту войну никто больше не решился без суда, своим волевым решением расстрелять перед строем генерала. А вот начальник ГлавПУ РККА, не колеблясь, пошел на это. Как следует из сохранившегося в архиве приказа войскам фронта № 057 от 12 сентября 1941 г., собственноручно составленного Мехлисом, «за проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии»³⁷.

Документ был оформлен «задним числом» для придания законного основания личному произволу начальника ГлавПУ. Сошлемся на свидетельство полковника в отставке В. П. Савельева, ставшего свидетелем расстрела генерала Гончарова. По приказу Мехлиса работники

³⁴ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 51, л. 28–30.

³⁵ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968. С. 218.

³⁶ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 51, л. 7–10.

³⁷ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 51, л. 11–12.

штаба 34-й армии были выстроены на поляне в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: «Где пушки?» Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. «Где, я вас спрашиваю?» – вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: – В соответствии с приказом № 270...»

Для приведения «приговора» в исполнение он вызвал правофлангового – рослого майора. Тот, рискуя навлечь на себя гнев сталинского эмиссара, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат.

Уже на следующий день Мехлис поинтересовался, насколько сильное впечатление произвела эта крайняя мера на личный состав. По его приказу начальник особого отдела НКВД Северо-Западного фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга В. М. Бочков донес ему о реакции в 34-й армии на расстрел генерала Гончарова. Большинство присутствовавших при казни одобряет решение уполномоченного Ставки, сообщает Бочков: мол, так Гончарову и надо, давно была пора принимать меры – он, пьяница, оставил армию без артиллерии. Но вот заместитель начальника оперативного отдела штаба армии майор Васильев заявил: «Сегодняшний расстрел меня окончательно убил... Ведь он же не виноват (Гончаров), кто-то бежит, кто-то бросает вооружение, а кто-то должен отвечать».

Кто же это осмелился «вольномудствовать»? Начальник особого отдела поясняет: «Сам Васильев характеризуется с отрицательной стороны как трус. Данные о Васильеве нами тщательно проверяются».

Вопреки утверждению К. А. Мерецкова, в эти же сентябрьские дни окончилась не только карьера, но и сама жизнь генерала К. М. Качанова. Расправившись с генералом Гончаровым, начальник ГлавПУ дал указание осудить к расстрелу и командарма-34, что военный трибунал и исполнил 26 сентября в присутствии Мехлиса. Автор располагает на этот счет свидетельством полковника в отставке М. И. Скрыгина, служившего офицером для поручений штаба Северо-Западного фронта.

Как ни цинично, но приезд столь высокой комиссии из центра на фронты почти неизменно сопровождался подобными экстраординарными мерами, иначе – по мрачной традиции тридцать седьмого года – инспектирующие рисковали уже на себя навлечь обвинения в мягкотелости. Достаточно напомнить хотя бы о комиссии Ставки ВГК во главе с В. М. Молотовым на Западный фронт в октябре 1941 г., когда угрозу расстрела, нависшую над его недавним командующим генералом И. С. Коневым, отвела лишь твердая позиция нового комфронта генерала армии Г. К. Жукова. Здесь, на СЗФ, в жертву репутации Мехлиса и других высоких московских представителей были принесены жизни людей пусть и виновных, но вряд ли заслуживавших столь суровой участи. В любом случае их судьба не должна была зависеть от произвола даже столь высокопоставленной фигуры. В период «оттепели» Кузьма Максимович Качанов и Василий Сафронович Гончаров были посмертно реабилитированы.

Как следует из доклада уполномоченных Ставки ВГК Сталину от 24 сентября 1941 г., нелицеприятную оценку заработали некоторые командиры соединений и частей армии: «Командиры дивизий 33 стрелковой генерал-майор Железников, 262 стрелковой генерал-майор Клешнин и 54 кавалерийской полковник Валыц не справились с командованием во время операций 34 армии в августе и первой половине сентября, проявили безволие, растерянность и неумение управлять частями, в результате чего потеряли дивизии... Нами они отстранены от командования дивизиями. Считаю возможным назначить их на должности командиров полков, чтобы искупали вину»³⁸.

Верховному было доложено также об аресте начальника 12-го строительного управления Главгидростроя НКВД П. Г. Рыжкова и главного инженера В. Г. Андреянова, на которых воз-

³⁸ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 45, л. 213.

ложили вину за оставление в руках противника схемы оборонительных сооружений вокруг Валдая.

С командными кадрами уполномоченные Ставки ВГК разбирались одновременно с восстановлением боеспособности частей. Путем «вычистки» тылов была сформирована 188-я стрелковая дивизия, правда, плохо вооруженная. Понимая, что этими силами валдайское направление не прикрыть, представители центра взялись за восстановление 163-й и 33-й стрелковых дивизий, в которых после минувших боев осталось всего по 500–600 человек. Для укомплектования этих соединений они 15 сентября запросили у Верховного 24 маршевые стрелковые роты с оружием, восемь маршевых специальных рот, три танковых батальона, два артполка стрелковых дивизий с материальной частью, 54 орудия калибра 45 мм, 324 станковых пулемета и другое вооружение³⁹. Чтобы в короткие сроки обеспечить боеспособность восстанавливаемых 25-й и 54-й кавалерийских дивизий, они просили помощь минометами и автоматическим оружием⁴⁰.

Мехлис напрямую связывался и с начальниками родов войск и главных управлений Наркомата обороны. Сразу же по прибытии на Северо-Западный фронт он запросил у начальника Главного управления формирования и укомплектования Красной Армии армейского комиссара 1-го ранга Е. А. Щаденко 750 младших командиров, у начальника Главного управления кадров НКО генерал-майора А. Д. Румянцева – трех командиров дивизий, восемь начальников штабов дивизий, восемь командиров и 12 начальников штабов полков, 600 командиров разных степеней. Начальник Главного управления связи Красной Армии генерал-лейтенант войск связи И. Т. Пересыпкин обещал прислать радиоспециалистов и средства связи, начальник Главного военно-химического управления генерал-майор технической службы П. Г. Мельников – пять рот химзащиты⁴¹.

Выметались все «сусеки» и в собственных тылах с учетом того, что Ставка не располагала сколько-нибудь серьезными резервами. «За время пребывания здесь, – ушел в Москву доклад от 24 сентября, – за счет местных средств сформировали полностью 163 сд, 188 сд, заканчиваем восстановление 33 сд и 182 сд, 25 кд, частично укрепили 262 сд, 245 сд и 259 сд». Вместе с тем своими силами обойтись было трудно. Для завершения работы по восстановлению частей фронта требовалось еще 50 маршевых рот, по четыре противотанковых и зенитных батареи, 100 станковых пулеметов и другое вооружение⁴².

По приказу Мехлиса военные советы всех армий фронта в трехдневный срок должны были очистить части и подразделения от военнотрудовых «прибалтийской национальности». Опасения, что эти люди могут подвести, имели под собой веские основания, что показали события начального периода войны на Северо-Западном фронте.

Комиссарам частей и начальникам особых отделов НКВД предписывалось также в трехдневный срок провести политическую проверку всех женщин, занятых в штабах, на складах, станциях снабжения, в госпиталях, из соображений, что нередко «противник использует женщин в качестве агентуры»⁴³.

По запросу начальника ГлавПУ в его распоряжение прибывали роты политбойцов. «Коммунистов и комсомольцев ни в коем случае не сводить в компактные группы, – такую директиву отдал он военным советам армий СЗФ, – а иметь в каждой роте по 8–10 человек с тем, чтобы каждый влиял на десяток беспартийных, создавая боевой актив»⁴⁴.

³⁹ АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 435, л. 6–7.

⁴⁰ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 45, л. 193, 374–374 об.

⁴¹ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 45, л. 79, 87, 89, 92, 93.

⁴² АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 51, л. 306–307.

⁴³ АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 51, л. 85–86, 179, 210.

⁴⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 51, л. 155.

Что говорить, на многое хватало сил и энергии у этого человека: умел он вникать даже в то, что подчас принято считать для руководителя такого ранга не очень существенным. «Посылаю для дивизии хороший оркестр, – телеграфировал он 24 сентября командиру 163-й стрелковой дивизии полковнику Попову. – Пусть не бездействует и на фронте. Враг должен трепетать и от звуков советского марша». От своего заместителя по ГлавПУ армейского комиссара 2-го ранга Ф. Ф. Кузнецова он требует направить четыре роты коммунистов, прислать звуковещательную станцию, оборудование для трех типографий и... 100 гармошек ⁴⁵.

С 19 октября 1941 г. Мехлис вновь представлял Ставку ВГК на северо-западном направлении. На сей раз он занимался восстановлением боеспособности соединений отдельной 52-й армии генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова. За два месяца боев части этой, как и соседней 4-й, армии были изрядно потрепаны.

До 1 ноября войскам генерала Клыкова удалось задерживать врага восточнее Малой Вишеры. Войсками 4-й армии противник был остановлен на подступах к Тихвину. Однако вскоре наступление на Тихвин было возобновлено, и 8-го город пал. Было нарушено управление 4-й армией, враг вышел в глубокий тыл 54-й армии Ленинградского фронта.

Бои носили чрезвычайно напряженный характер, наши войска несли большие потери, испытывая к тому же острый недостаток в оружии, боеприпасах, теплой одежде. Уполномоченный Ставки приказал, что называется, жесткой метлой вычищать все «сусеки».

«Не прибыли высланные Яковлевым (начальник ГАУ. – Ю.Р.) ручные пулеметы. Туго сейчас с винтовками. Совсем негде достать минометов», – информировал Мехлис Сталина 3 ноября. При этом прослеживается важная, на наш взгляд, деталь, характеризующая деловой стиль уполномоченного Ставки: приведенные выше слова доклада меньше всего следует принимать за жалобы и свидетельство беспомощности. Совсем наоборот: просьба о тех же минометах высказана в конце телеграммы и как бы между прочим. А на первом плане – доклад об уже сделанном, в том числе за счет местных резервов.

Так, восстанавливались четыре стрелковые дивизии – 111, 267, 288 и 259-я. Из 10 тысяч человек, направленных на их пополнение, более трети «выкачано», по выражению Мехлиса, из собственных тыловых частей и учреждений. «Оружия изъято из тылов – 4462 винтовки, 98 ручных и станковых пулеметов, минометов один, ППД – два... Кроме того дивизии изъяли из своих тылов 562 винтовки».

Сталинский эмиссар не боялся упрека в том, что отвлекал внимание Верховного Главнокомандующего на сотню-другую винтовок, два пулемета, единственный миномет. Ибо знал: что он не кланчит оружие у Сталина, тому обязательно понравится.

Верховный был также проинформирован о мерах борьбы с «трусами, дезертирами и бросившими без боя материальную часть». Приказом войскам 52-й армии, составленным рукой Мехлиса и подписанным, кроме него, командующим армией и членом военного совета, по этим мотивам перед строем 844-го противотанкового артиллерийского полка были расстреляны командир 5-го батальона лейтенант Вершинин и военный комиссар политрук Баюшенко⁴⁶.

В поисках рычагов, которые заставили бы деморализованных тяжелыми поражениями людей прийти в себя, поверить в собственные силы, сражаться стойко, упорно, Мехлис вслед за Сталиным чаще всего отдавал приоритет угрозе жестокой, беспощадной кары. На Северо-Западном фронте вспоминали, как часто повторял Лев Захарович: мол, посмотрите на старых кучеров. Любят они и жалеют лошадей, но кнут у них всегда воткнут свечкой – наготове. Лошадь это видит – и делает выводы⁴⁷. Такая вот целая теория...

⁴⁵ АПРФ, ф. 221, оп. 1366, д. 2, л. 139.

⁴⁶ АПРФ, ф. 32, оп. 11309, д. 21, л. 2.

⁴⁷ Грачев Л. П. Дорога от Волхова. Л., 1983. С. 231.

В то же время старый, еще с Гражданской войны, армейский политработник включал и иные рычаги воздействия на личный состав. Ничто не ускользало из поля зрения уполномоченного Ставки: ни фронтовая газета («ее надо лечить», дает он указание в ГлавПУ, а потому «шлите писателя и двух хороших журналистов»), ни типография для газеты, ни возможность для личного состава посмотреть кино («дайте пару походных кинопередвижек»), а то и поплясать на досуге («в 111 сд, которую воссоздали местными силами и помощью Москвы, нет ни одной гармошки. Народ воспрял духом, хочет поплясать. Пришлите не менее ста гармошек в 52 армию»)⁴⁸.

Мехлис довелось побывать в регионе еще раз. В ходе Тихвинской наступательной операции, начавшейся 10 ноября, 4-я и 52-я армии были объединены в Волховский фронт под командованием генерала армии Мерецкова. Ставка поставила перед войсками задачу продолжать наступление с тем, чтобы совместно с Ленинградским фронтом разгромить немецкую группировку, блокировавшую город на Неве.

«Не довольствуясь директивными указаниями, – позднее вспоминал Мерецков, – Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л. З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас»⁴⁹.

Не только их одних. В ЦАМО нами выявлено около 25 телеграмм, отправленных Мехлисом в Главное артиллерийское управление Наркомата обороны, ГУК, ГлавПУ, заместителю наркома обороны Щаденко и другим адресатам только за два дня – 31 декабря 1941 г. и 1 января 1942 г. Высокая интенсивность его контактов с Москвой отмечалась и в последующие дни. Это подметил и начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов, также оказавшийся в эти дни на Волховском фронте: «По своему обыкновению, он бил тревогу шифровками и телефонными звонками»⁵⁰.

Главной заботой уполномоченного Ставки оставались обеспечение своевременного прибытия пополнений и снабжение войск. Так, проверив положение в 4-й армии, Мехлис телеграфирует 4 января начальнику Тыла Красной Армии генералу А. В. Хрулеву: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2-е января по данным управления тыла в частях и на складах армии мяса – 0, овощей – 0, сена – 0, консервов – 0, сухарей – 0... Кое-где хлеба выдают по 200 грамм... Что здесь – безрукость или сознательная вражеская работа?»⁵¹.

За такими телеграммами следовали и оргвыводы. В частности, пострадал начальник тыла соседнего, Северо-Западного фронта генерал Н. А. Кузнецов. Под нажимом Мехлиса он был приговорен к расстрелу, который позднее успели заменить на разжалование в рядовые⁵². Можно сказать, легко отделался.

Возвращаясь в Москву поездом и наткнувшись на затор, уполномоченный Ставки и здесь сразу же дал о себе знать: отбил «молнию» с упреками начальнику ВОСО Наркомата обороны генералу И. В. Ковалеву, арестовал начальника станции Бологое⁵³.

Как несомненное достоинство рассматривал Мехлис такой стиль руководства: всегда держать кнут наготове и без раздумий хлестать им направо и налево...

⁴⁸ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 98, л. 188, 192.

⁴⁹ Мерецков К. А. Указ. соч. С. 256.

⁵⁰ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 234.

⁵¹ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 120, л. 291.

⁵² См.: Грачев Л. П. Указ. соч. С. 228.

⁵³ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 21, л. 326; д. 120, л. 77.

Очерк 4. Горловы и Огневые в жизни и на подмостках

Политики всех времен и народов хорошо знали, какой колоссальной силой эмоционального воздействия на людей обладает искусство. И потому никогда не отказывались от возможности использовать его в своих целях. С другой стороны – что в этом плохого, если цель во благо?

Правда, в конце июня 1942 г. положение на советско-германском фронте складывалось так, что было, прямо скажем, не до искусства. В конце июня 1942 г., нанеся удар на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, немцы прорвали оборону наших войск и стали быстро продвигаться к Дону. 6 июля был частично захвачен Воронеж. Южнее противник отбросил наши войска за Дон и продолжал наступать по западному берегу реки к югу, стремясь во что бы то ни стало выйти в большую излучину Дона. К середине июля стратегический фронт Красной Армии оказался прорванным на глубину 150–400 км, что позволило вермахту развернуть наступление на Сталинград. С захватом немцами Ростова-на-Дону (24 июля) и форсированием Дона в его нижнем течении непосредственная угроза нависла и над Северным Кавказом.

Трагизм сложившейся ситуации передает знаменитый сталинский приказ № 227 от 28 июля 1942 г. «Ни шагу назад!» с его быющей в самое сердце формулировкой: «Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину»⁵⁴.

В течение первой половины августа на дальних и ближних подступах к Сталинграду шли жестокие бои. «После многодневных ожесточенных сражений 23 августа 14-й танковый корпус противника прорвался в район Вертячего и, рассекая сталинградскую оборону на две части, вышел к Волге в районе Латошинка – Рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил Сталинградского фронта... Немецкая бомбардировочная авиация подвергла Сталинград варварским бомбардировкам, превращая его в груды развалин»⁵⁵.

И вот в такой ситуации И. В. Сталин дважды – в июне и в августе – встречается с известным советским драматургом А. Е. Корнейчуком. Естественный вопрос: неужели в тот момент у Верховного Главнокомандующего не было больших забот? Вопрос абсурдный. И тем не менее вождь почему-то посчитал необходимым отвлечься от сугубо военных дел на изящную словесность. Что же произошло в тот момент на литературно-драматическом фронте?

В дни, когда со всей ожесточенностью развернулась Сталинградская оборонительная операция, в нескольких номерах «Правды», самой главной по статусу и тиражу газеты страны, была опубликована пьеса Корнейчука «Фронт». Это был небывалый случай публикации в ежедневной газете даже не романа, а театральной пьесы. Но не этим и даже не художественными особенностями смутила она многих читателей. Привела в замешательство, шокировала ее резко критическая направленность.

Сюжет пьесы довольно прост – сталкиваются две силы: старые военные кадры, прославившиеся в Гражданскую войну, но малограмотные и даже бравирующие своим невежеством, они персонифицированы в личности командующего фронтом с говорящей фамилией Горлов – и кадры молодые, компетентные в военном отношении, творчески осваивающие опыт современной, Отечественной войны – в лице командующего армией Огнева.

Конфликт хорошего с лучшим, конфликт нового, передового с отживающим и косным (которое когда-то тоже было передовым) – это родовой признак социалистического реализма.

⁵⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 276.

⁵⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 291.

Для читателей главной партийной газеты здесь не было ничего необычного. Удивляло другое – неслыханная дерзость автора: объектом критики в советской пьесе, напечатанной «Правдой», стал не кто-нибудь, а один из высших военных чинов, командующий фронтом!

Публикация сразу же вызвала необычайный ажиотаж, в первую очередь, в среде командного состава Красной Армии. Критиков пьесы не остановила даже личность ее автора – Александра Евдокимовича Корнейчука, одного из самых популярных драматургов своего времени, депутата Верховного Совета СССР, еще с довоенных времен руководителя Союза писателей Украины.

Уже 28 августа 1942 г., на следующий после завершения газетной публикации день, на имя Сталина поступила телеграмма бывшего наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко: «Опубликованная в печати пьеса товарища Корнейчук “Фронт” заслуживает особого внимания. Эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать»⁵⁶.

Надо сказать, что телеграмма Тимошенко не была «гласом вопиющего в пустыне». Генерал-лейтенант артиллерии И. П. Камера, командующий артиллерией Западного фронта, в разговоре с членом военного совета фронта Н. А. Булганиным высказался предельно остро: «Я бы не знаю, что сделал с этим писателем, который написал эту пьесу. Это безобразная пьеса, я бы с ним разделался за такую пьесу». Булганин, поскольку имел поручение Сталина выявить мнения командного состава о пьесе Корнейчука, немедленно донес об этом Верховному⁵⁷.

Надо сказать, что среди критиков были не только военачальники старой формации. Генерал И. С. Конев, например, был также убежден, что публикация произведения, рисующего обстановку невежества, самодурства, самодовольства в штабе фронта, является грубой ошибкой газеты, в глазах красноармейской массы она дискредитирует высших командиров, репутация которых и без того была невысока.

«Если плохой командующий, – говорил Конев Сталину, который вызвал генерала специально для того, чтобы узнать его мнение о пьесе, – в вашей власти его снять, но, когда командующего фронтом шельмуют, высмеивают в произведении, напечатанном в “Правде”, это уже имеет не частное значение, речь идет не о ком-то одном, это бросает тень на всех»⁵⁸.

Но Тимошенко и другие «боевые кони», если прибегнуть к определению их литературного собрата Горлова, вообще-то, должны были обладать хотя бы минимумом проницательности, чтобы понять: не может центральная партийная газета опубликовать какое-то случайное произведение, да еще такого острого характера. «Прокола» здесь не могло быть по определению. Маршал и его единомышленники, если бы не были так разгорячены, должны были увидеть за этой публикацией нечто большее, чем стремление газеты познакомить читателей с литературной новинкой.

И в самом деле, за всей этой драматургической акцией негласно стоял сам глава партии и правительства. Для того-то Сталин лично и встречался с Корнейчуком, более того – редактировал текст, внося в него существенную правку, и он же распорядился, не откладывая, опубликовать пьесу.

Что же заставило вождя в столь трагические для страны дни вдруг заняться редактированием пьесы Корнейчука? Сталин очень любил театр и неоднократно испытал на себе его магию. От природы он был неплохим режиссером, хорошо разбирался в таких театральных понятиях, как завязка, экспозиция, исходное событие, кульминация и, наконец, развязка. Правда, сценическая площадка, на которой он осуществлял свои постановки, несколько отличалась от традиционной – она простиралась от океана до океана. Но когда требовала политическая целесо-

⁵⁶ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 750, л. 155.

⁵⁷ См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 405.

⁵⁸ См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 404.

образность, Сталин не гнушался прибегать к средствам драматургии и, в буквальном смысле слова, использовать в своих политических целях театральные подмостки.

И это был как раз такой случай. Сокрушительные поражения войск Красной Армии весной 1942 г. под Любанью, Харьковом и в Крыму, сменившие победное завершение Московской битвы, крайне болезненно ударили по самолюбию Сталина. Ведь он объявил 1942 год годом окончательного разгрома фашистской Германии – и вдруг такое фиаско его планов, могущее породить у советских людей сомнение в его способности к стратегическому управлению, к предвидению хода борьбы с противником.

Репутацию вождя можно было уберечь, лишь утвердив в общественном мнении образы конкретных лиц, которые должны были понести ответственность за тяжелые поражения на фронте. К такому средству верховная власть уже прибегала, и неоднократно.

Так, катастрофу начального периода войны удалось списать на командование Западным фронтом. Виновными за летние «котлы», в которых остались десятки тысяч наших бойцов и командиров, приказом Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. были объявлены генералы В. И. Качалов, П. Г. Понеделин, Н. К. Кириллов, якобы добровольно сдавшиеся в плен, и другие «неустойчивые, малодушные, трусливые элементы» из числа как красноармейцев, так и начальствующего состава⁵⁹.

Теперь же, летом 42-го, срочно требовалось объяснить массам, почему, хотя война длится уже больше года, по-прежнему не удастся повернуть события на фронте в благоприятное русло. Общественное сознание, с довоенных времен привыкшее, вследствие тотальной пропаганды, объяснять все провалы в стране происками «врагов» и «заговорщиков», с готовностью откликалось на простые объяснения и имена конкретных виновников.

В этом смысле Сталин сразу увидел возможности нового произведения Корнейчука. Особо было ценно то, что инициатива родилась, что называется, снизу. Судя по всему, задачу перед драматургом заранее никто не ставил, он начал писать пьесу самостоятельно. При этом воспользовался впечатлениями, накопленными во время службы в политуправлении Юго-Западного фронта. Здесь Корнейчуку пришлось немало общаться с выходцами из Первой Конной армии периода Гражданской войны – маршалами С. М. Буденным и С. К. Тимошенко, генералами И. В. Тюленевым, Я. Т. Черевиченко, Д. И. Рябышевым – военачальниками той самой старой закалки, которые по ходу войны показали неспособность воевать по-современному. Окончив пьесу, Корнейчук, безусловно, стремился подстраховаться, получить одобрение соответствующего отдела ЦК ВКП(б), куда и направил рукопись.

С большой долей вероятности можно говорить, что таким путем «Фронт» и попал в руки Сталина. Надо признать – человеком он был читающим и живо интересующимся литературными новинками. Сочинение Корнейчука ему понравилось, и не столько литературными достоинствами, сколько возможностью публично объяснить населению страны, кто должен нести ответственность за непрекращающиеся поражения. Пьеса оказалась как нельзя кстати для задуманной вождем грандиозной информационно-пропагандистской операции.

Как вспоминала Марина Федотовна, вдова Корнейчука, драматург написал пьесу в Куйбышеве. Оттуда его срочно вызвал в Москву Сталин, прочитавший рукопись.

По характеру замечаний, конкретных изменений, которые вождь внес в рукопись Корнейчука, можно достоверно судить о политической сверхзадаче – перенести направление удара на тех военачальников, которые, подобно главному персонажу генералу Горлову, уповают на опыт Гражданской войны, не умеют и не желают учиться воевать так, как диктует маневренная война, война моторов.

Так, реплику одного из героев – брата командующего фронтом Мирона Горлова: «Много еще есть у нас некультурных командиров, и в этом наша беда», Сталин своей рукой дополнил

⁵⁹ 1941 год. Кн. 2. С. 477–478.

следующим фрагментом: «Войну нельзя выиграть одной лишь храбростью. Чтобы выиграть войну, кроме храбрости нужно еще умение воевать, умение воевать по-современному, нужно научиться воевать по-современному. Опыт гражданской войны для этого недостаточен».

В другой сцене, когда член военного совета фронта Гайдар, побывавший в Москве у Сталина, сообщает Огневу о его назначении вместо Горлова, Корнейчук вложил в уста свежеспеченного командующего фронтом всего лишь восторженную реплику: «Как же это, ведь я очень молод!». Но то, что не предусмотрел Корнейчук, Сталин продумал до конца. Он целиком сочинил ответную реплику Гайдара (ничуть не стесняясь, что сам о себе ведет речь в третьем лице): «Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев наряду со старыми полководцами. И выдвигать надо таких, которые способны вести войну по-современному, а не по старинке, способные учиться на опыте современной войны, способные расти и двигаться вперед»⁶⁰.

По настоятельному совету кремлевского редактора Корнейчук также удалил из действия сцену суда над Огневым. Верховный Главнокомандующий без дипломатии выразился об иных своих подчиненных: «Дураки всё поймут однозначно и начнут стрелять всех Огневых». Наоборот, генерал-майор Огнев в пьесе был вознесен и вместо возможной скамьи подсудимых обрел пост командующего фронтом.

Так что миллионам советских людей, естественно, задумывавшихся над тем, почему Красная Армия после успешного наступления под Москвой отступает вновь, предлагалось вполне подходящее объяснение. Из пьесы следовало: во всем виноваты эти первоконники, эти Горловы и окружавшие их Хрипуны, Крикуны, Тихие, Благонравовы (тоже носители говорящих фамилий), которые неумелым руководством позволили танковым клиньям врага упереться в самую Волгу. Вождь не боялся, что у некоторых читателей может возникнуть резонный вопрос: а не самому ли Сталину обязаны Горловы руководящими постами? Даже если бы такие пытливые умы и нашлись, то возможностей для трансляции таких «несвоевременных» мыслей у них просто-напросто не было.

Непосредственным же критикам пьесы Сталин посчитал необходимым особо разъяснить, в чем они не правы. Он телеграфировал маршалу Тимошенко: «Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука “Фронт” получил. В оценке пьесы вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии»⁶¹.

Кто бы возразил против необходимости устранять недостатки и улучшать кадровый состав армии? За исключением погрязшей в косности небольшой части «старых боевых коней», командные кадры без озлобления знакомились с пьесой и так ее назначение и понимали.

Генерал С. М. Штеменко, служивший в это время заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба, вспоминал, что, несмотря на крайний дефицит времени, с пьесой ознакомились даже самые занятые: «Всей душой мы были на стороне молодого Огнева и высказывались против Горлова. Мы, генштабовская молодежь, если можно так сказать о людях среднего руководящего звена и еще не старых по возрасту, восприняли “Фронт” как выражение политики партии, как ее призыв к повышению уровня нашего военного искусства и методов руководства войсками»⁶².

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 750, л. 110, 111.

⁶¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 750, л. 158.

⁶² Штеменко С. М. Указ. соч. Кн. 1. С. 62.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, бывший в описываемые дни на Брянском фронте начальником штаба армии, вспоминал, что публикация пьесы кое-кого повергла в замешательство из-за своего критического заряда. Но он и его коллеги – старшие командиры, прошедшие все испытания первого года войны, не разделяли опасений. «Для нас, – писал Бирюзов, – была совершенно очевидна необходимость развенчать дутый авторитет людей, которые оказались неспособными руководить войсками в сложных условиях внезапного нападения превосходящих сил врага и не желали делать правильные выводы из своих ошибок»⁶³.

Такие суждения были правильны по существу, но их авторам было явно невдомек, по каким подлинным мотивам была опубликована пьеса. И это лишний раз доказывает, что дымовая завеса сработала, Сталину его замысел полностью удался.

На его реализацию работал весь пропагандистский аппарат и Вооруженных Сил, и государства в целом. Во всех центральных газетах была опубликована рецензия на пьесу, подготовленная в аппарате Главного политуправления РККА под руководством кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, с высокой оценкой ее художественных достоинств, злободневности, воспитательного значения. Как и саму пьесу, ее вождь отредактировал лично. Такому редактору и такой рецензии мог позавидовать любой драматург.

Буквально через несколько дней в театрах страны начались репетиции. В Москве «Фронт» ставили сразу четыре театра – Малый, МХАТ, Театр Вахтангова и Театр драмы. Наконец, в срочном порядке приступили к созданию одноименного фильма. Корнейчук уже в 1943 г. удостоился за пьесу «Фронт» Сталинской премии. Такую же награду получили и авторы фильма, и актеры, сыгравшие в нем главные роли.

Должно согласиться с выводом историка А. А. Печенкина, первым выявившего сталинскую переписку по поводу пьесы «Фронт»: «...Осенью 1942 г. Верховный Главнокомандующий решил важную пропагандистскую задачу, по-своему объяснив причины военных неудач Красной Армии»⁶⁴.

Но Сталин был искушенным политиком и понимал, что лобовая, прямолинейная пропаганда воздействует не на всех. Он, в частности, не был уверен в том, что с его версией согласятся высшие военные. Выше мы уже ссылались на разговор вождя с командующим Западным фронтом генералом Коневым. Дополнительные подробности, которыми Иван Степанович, уже будучи маршалом, поделился с писателем К. М. Симоновым, проливают новый свет на ту решимость, с какой Сталин гнул свою линию. Узнав о негативной оценке пьесы, он сердито прервал Конева: «Ничего вы не понимаете. Это политический вопрос, политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устарелым, с теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса, в ней правильно поставлен вопрос».

«Тут у меня, – продолжает рассказ маршал, – сорвалась фраза, что я не защищаю Горлова, я скорей из людей, которых подразумевают под Огневом, но в пьесе мне все это не нравится».

Тут Сталин окончательно взъелся на меня:

– Ну да, вы Огнев! Вы не Огнев, вы зазнались. Вы уже тоже зазнались. Вы зарвались, зазнались. Вы военные, вы всё понимаете, вы всё знаете, а мы, гражданские, не понимаем. Мы лучше вас это понимаем, что надо и что не надо.

Он еще несколько раз возвращался к тому, что я зазнался, и пушил меня, горячо настаивая на правильности и полезности пьесы Корнейчука»⁶⁵.

⁶³ Бирюзов С. С. Когда гремели пушки. М., 1961. С. 94–95.

⁶⁴ Печенкин А. А. Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 135.

⁶⁵ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 404.

Верховный с обычно не свойственной ему страстью взялся и за присутствовавшего здесь же Г. К. Жукова, добиваясь его мнения о пьесе. Но тот поступил благоразумно и уклонился от ответа, сославшись на то, что еще не читал ее.

Вероятно, этот разговор с Коневым как раз и заставил Сталина дать указание всем членам военных советов фронтов опросить командующих и других генералов руководящего состава и утвердить в их сознании нужное, единственно правильное представление о пьесе Корнейчука. К тем же, кто, подобно упомянутому выше генералу И. П. Камере, не побоялся высказать собственное, идущее вразрез с начальническим, мнение, отнесся с подозрением.

«В следующий мой приезд в Москву, – вспоминал Конев, – Сталин спрашивает меня, кто такой Камера. Пришлось долго убеждать, что это хороший, сильный командующий артиллерией фронта с большими заслугами в прошлом, таким образом отстаивать Камеру. Это удалось сделать, но, повернись все немного по-другому, отзыв о пьесе Корнейчука мог ему дорого обойтись».

Возвращаясь от драматургии к жизненной практике, следует сказать, что Сталин при всем желании не мог бы ограничиться одной пропагандистской кампанией по развенчанию проваливших дело военных кадров (среди которых были, разумеется, не только выдвинувшиеся в годы Гражданской войны, но и значительно позже). Суровая боевая действительность потребовала коренного обновления персонального состава командующих фронтами, армиями, соединениями Красной Армии. Только на должностях командующих фронтами за первые 14 месяцев войны побывало 36 человек (из 43 за всю войну). Корпус командующих фронтами, по существу, сформировался лишь к осени 1942 г. В последующие 32 месяца войны такое высокое назначение получили всего семь новых военачальников.

Наиболее значимым было назначение 26 августа 1942 г. первым заместителем народного комиссара обороны генерала армии Г. К. Жукова. Еще с довоенных времен эту должность занимал Маршал Советского Союза С. М. Буденный. То есть Сталин показал, что он и в жизни собирается Горловых менять на Огневых.

В дальнейшем было произведено немало кадровых перестановок, подобных той, которая нашла отражение в пьесе Корнейчука.

На ум сразу же приходит личность генерал-полковника В. Н. Гордова. Есть ли связь между близко звучащими фамилиями реально существовавшего лица и героя пьесы «Фронт», мы не беремся ответить, но их характеры, натуры – очень близки. Генерал Гордов в июле – августе 1942 г. командовал Сталинградским фронтом, к слову, сменив на этом посту маршала Тимошенко. Действовал он, в свою очередь, неудачно. Все больше уповал на стиль руководства, который тогда еще генерал К. К. Рокоссовский метко назвал «матерным управлением». Ему, Рокоссовскому, и пришлось в конце сентября 1942 г. сменить Гордова в качестве командующего Сталинградским фронтом и выправлять последствия того самого «стиля».

Генерал армии С. П. Иванов, встречавшийся с Гордовым на Сталинградском фронте в свою бытность начальником штаба 1-й гвардейской армии, вспоминал: «О В. Н. Гордове... у меня сложилось двойственное впечатление. Это был, безусловно, храбрейший и волевой генерал. На посту начальника штаба, а затем и командующего 21-й армией он зарекомендовал себя в целом неплохо. Достаточной, казалось, была у него и теоретическая подготовка. Он окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Внешне это был очень собранный, энергичный, с хорошей выправкой строевой генерал, но чувствовалась в нем, к глубокому сожалению, и какая-то унтер-офицерская закваска. Очень часто Гордов бывал груб и несправедлив, окрик нередко являлся у него методом руководства. Когда я читал написанную А. Е. Корнейчуком в 1942 году пьесу “Фронт”, созвучие фамилий одного из ее героев – Горлова и Василия Николаевича Гордова показалось мне отнюдь не случайным»⁶⁶.

⁶⁶ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 359.

Ситуация, нарисованная А. Е. Корнейчуком, когда командарм меняет своего командующего фронтом, отстраненного от должности по неспособности, напоминает об одном ярком случае из истории войны. 25 июля 1942 г. генерал-майор И. Д. Черняховский, командир 18-го танкового корпуса, принял командование войсками 60-й армии, в которую входил его корпус. До этого во главе армии находился генерал-лейтенант М. А. Антонюк – опытный военный, начавший службу еще в 1914 г. В годы Гражданской войны он командовал полком, стрелковой бригадой, в межвоенный период вырос до командующего войсками Сибирского военного округа, а в 1940 г. стал начальником пехоты Красной Армии, заместителем генерал-инспектора пехоты РККА. А вот с началом Великой Отечественной войны в должности командарма он действовал неудачно.

Не складывались у него отношения и с Черняховским, который был моложе его на 11 лет. Он ходатайствовал перед вышестоящим командованием о снятии командира танкового корпуса с должности. Но получилось как раз наоборот.

Читатель простит автора за длинную цитату, уж очень ярко обрисована в ней сцена, относящаяся к июлю 1942 г.: «...Из штаба 60-й армии передали, что командарм срочно вызывает командира корпуса на Военный совет... На Военном совете все уже были в сборе, когда Черняховский доложил о своем прибытии. Перед собравшимися за столом сидел командующий армией генерал-лейтенант М. А. Антонюк, которого Черняховский знал как крупнейшего руководителя – начальника пехоты Красной Армии. Рядом с ним член Военного совета армейский комиссар 2-го ранга Ф. Ф. Кузнецов. Антонюк жестом предложил Черняховскому сесть.

– Товарищи, на повестке дня один вопрос – доклады командиров соединений о причинах неудач в июльских наступательных операциях. – Генерал Антонюк, сделав небольшую паузу, продолжал: – Военный совет ждет от вас самокритичных выступлений. Генерал Черняховский, доложите, как это случилось, что мы остались без танкового корпуса!

Постановка вопроса командармом... никак не укладывались в голове Черняховского. Он отчетливо представил себе, что ожидает командира, потерпевшего поражение. В душе он не соглашался с заявлением Антонюка. Ведь немцы под Воронежем понесли гораздо большие потери, и корпус удержал восточную часть Воронежа.

Внезапно открылась боковая дверь зала заседания, вошел лейтенант с узла связи и доложил:

– Товарищ командующий! Вас вызывает к аппарату ВЧ товарищ Сталин.

Командарм быстро вышел за связистом. В зале притихли. Молчание продолжалось недолго, через несколько минут Антонюк вернулся и сообщил:

– Генерал Черняховский, вас вызывает к аппарату товарищ Сталин.

Антонюк прошел к столу президиума и сел не на свое председательское место, а в сторонке, рядом с членом Военного совета армии.

В зале заседания стояла тишина. Ждали возвращения Черняховского. И когда он прошел к столу и занял место председателя Военного совета, все поняли, что произошло.

– Товарищи! – обратился ко всем Черняховский. – Приказом Верховного Главнокомандующего я назначен командующим 60-й армией. – Помедлив секунду, сказал: – Военный совет продолжает свою работу. Слово для справки предоставляется генерал-лейтенанту Антонюку.

– Видимо, всем ясна суть дела, – привстал Антонюк, – меня отзывают в Москву»⁶⁷.

И. Д. Черняховский оправдал самые большие авансы, которые ему выдали при этом назначении командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин и начальник Генштаба маршал А. М. Василевский. Он стремительно рос и дальше, в апреле 1944 г. стал командующим 3-м Белорусским фронтом, в 38 лет получил звание генерал армии. Но и самый бле-

⁶⁷ Шарипов А. А. Черняховский. М., 1978. С. 104–105.

стящий полководец не в силах избрать собственную судьбу. На самом исходе войны, в феврале 1945 г., он был смертельно ранен на окраине города Мельзак в Восточной Пруссии...

Какие искренние, теплые отзывы о Черняховском оставили многие советские военачальники, отмечая и человеческие, и сугубо служебные его качества (хотя одно от другого, по существу, неотделимо)! Еще в бытность Черняховского командующим 60-й армией маршал А. М. Василевский аттестовал его так: «Я с восторгом наблюдал, как энергично и решительно управляет войсками командарм, просто с восторгом». К. К. Рокоссовский, близко познакомившийся с Иваном Даниловичем в преддверии Курской битвы в качестве командующего Центральным фронтом, писал: «Знакомясь с войсками 60-й армии, переданной нам из Воронежского фронта, я внимательно приглядывался к генералу И. Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого»⁶⁸.

К слову, рядом с Черняховским-«Огненным» был и еще один «Горлов», правда, не командующий, а член военного совета армии А. И. Запорожец. Именно «Горлов», а не «Гайдар», хотя Запорожец относился к политсоставу. Накануне войны он возглавлял Главное управление политпропаганды РККА, носил самое высокое военно-политическое звание – армейский комиссар 1-го ранга. Его приверженность старым методам работы не оставляла сомнений, но до поры до времени он, хоть и спускаясь по служебной лестнице, оставался в обойме руководителей армейско-фронтowego звена. С генералом Антонюком, таким же «старым боевым конем», в личном плане он сосуществовал неплохо, об интересах дела умолчим. А вот с приходом Черняховского «начались у него стычки с молодым, растущим командармом» (как писал об этом К. К. Рокоссовский). В интересах дела командующий фронтом Рокоссовский обошелся без лишней и в данном случае вредной деликатности: он доложил Сталину о необходимости «развести» двух первых лиц 60-й армии, и Запорожец был отозван в Москву. Еще одним Горловым стало в войсках меньше.

Возвращаясь к «Фронту» Корнейчука и к коллизии, развернувшейся вокруг обсуждения пьесы в среде высших военачальников, следует сказать несколько слов в защиту тех лиц, кто в 1942 г. выразил свое несогласие с позицией драматурга (а значит, и Сталина). Дело в том, что за почти семь десятилетий, минувших после тех событий, история обросла самыми невероятными «подробностями». Например, в многочисленных интервью, которые к 100-летию со дня рождения писателя в 2005 г. дала его вдова Марина Федотовна, одну и ту же инициативу – отдать драматурга под суд военного трибунала, а то и расстрелять без суда, с которой якобы обратился к Сталину кто-то из военачальников – приписана в одном случае Жукову, в другом – Малиновскому, а в третьем случае какой-то кровожадный полководец остался анонимным.

Вот как это прозвучало в устах М. Ф. Корнейчук:

1. «Жуков подавал Сталину докладную – требовал отдать Корнейчука под военный трибунал за “Фронт”, где наши военные поражения объяснялись бездарностью генералов по фамилии Крикун и Хрипун. Сталин рассказывал Александру Евдокимовичу, какую резолюцию наложил на докладную: “Воюйте лучше, тогда не будет таких пьес”»⁶⁹.

2. «Только через много лет Александр Корнейчук узнал, что тогда же на имя Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма от маршала Малиновского: “Драматурга “Фронта” расстрелять. А того, кто разрешил печатать в “Правде”, судить военным трибуналом”. Маршалу пришел ответ: “Изучайте “Фронт” – воевать лучше будете. И. Сталин”»⁷⁰.

⁶⁸ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1985. С. 203.

⁶⁹ Бульвар Гордона, 2005, 24 мая.

⁷⁰ Факты, 2005, 25 мая.

3. «Пьеса вызвала недовольство той части военачальников, против которых была направлена. Спустя какое-то время (подчеркнуто мной. – Ю.Р.) к Корнейчуку пришел адъютант Сталина и принес пакет. В нем – телеграмма с таким текстом: “Автора пьесы “Фронт” судить трибуналом и расстрелять. Того, кто разрешил публикацию в “Правде”, – судить”. Ниже от руки было написано: “Изучайте “Фронт” Корнейчука – воевать лучше будете. И. Сталин”»⁷¹.

Если судить по первому интервью, то выходит, что драматург узнал о телеграмме военачальника «через много лет», из третьего же интервью следует, что о телеграмме драматург узнал по горячим следам.

Так где же истина? Кто действительно направлял Сталину злосчастную телеграмму, если она имела место? Тут или вдова драматурга что-то запаматовала (известно, что память – несовершенный инструмент, а Марине Федотовне в момент интервью было уже 83 года), или недобросовестность проявили интервьюеры.

Вероятнее всего, речь идет о телеграмме маршала Тимошенко, о роли которого в этой истории вдова драматурга, похоже, даже не подозревает. Автор телеграммы Г. К. Жуков не мог быть уже хотя бы потому, что знал резкую сталинскую реакцию на возражения И. С. Конева по поводу пьесы. Коневу, как непосредственному участнику разговора в Ставке, есть все основания доверять, в отличие от вдовы, опиравшейся на давние рассказы мужа, который и сам, похоже, был не очень информирован. Р. Я. Малиновский же летом 1942 г. был не маститым маршалом, а генерал-лейтенантом, командующим 66-й армией Донского фронта. С этого поста вступать в переписку с Верховным Главнокомандующим было бы нарушением субординации. А кроме того, генерал вряд ли рискнул бы выступить со столь резкими оценками пьесы, учитывая, что сам был незадолго до того снят с должности командующего Южным фронтом за неудачу под Харьковом.

Так что, хотя Корнейчук и шутливо жаловался Сталину, будто негодующие читатели готовы ему руки-ноги переломать, вряд ли кто-то из военачальников действительно жаждал его крови. Если не сразу, то спустя некоторое время личная поддержка пьесы со стороны вождя перестала быть тайной, и драматург в проявлении генеральского недовольства мог сыграть роль разве что стрелочника.

Если выйти за рамки разговора о пьесе, то совершенно очевидно, что Красная Армия действительно нуждалась в руководителях новой формации, инициативных, творческих военачальниках. И их приход должен был состояться, независимо ни от какой драматургии. Потому в 1942 г. и позднее встали во главе фронтов и армий К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров, Н. Ф. Ватугин, И. Д. Черняховский, Р. Я. Малиновский, И. Х. Баграмян, И. Е. Петров, П. И. Батов, А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Н. И. Крылов и многие другие. В усилении общественной поддержки таких военачальников пьеса Корнейчука «Фронт» сыграла свою роль. А вопрос, где кончается искусство и начинается политика – остается открытым...

Спектакль был сыгран. В прямом и переносном смысле слова. Как говорил великий театрик театра Эрик Бентли: «Пьеса заканчивается, когда исчерпывается ее драматургический конфликт». Сегодня о творении А. Е. Корнейчука вспоминают лишь редкие историки театра.

Занавес! Свет!

⁷¹ Зеркало недели, 2005, 28 мая – 3 июня.

Очерк 5. Чем закончилась «Охота на дроф»

Алчная натура захватчика неизменна от века. И в XX столетии взоры интервентов, обращенные на благодатный Крымский край, были так же жадны, как и триста, и пятьсот лет назад. Разве что война моторов добавила захватническим планам фашистской Германии, королевской Румынии и их союзников новые мотивы.

С началом Великой Отечественной войны Крымский полуостров, благодаря выгодному геополитическому положению, занимал в планах воюющих сторон особое место. Вермахт видел в нем своеобразный трамплин для захвата Кавказа и прорыва к бакинской нефти. Со своей стороны, советские войска, владея полуостровом, угрожали флангу и тылу группы армий «Юг», могли, даже не прибегая к дальнебомбардировочной авиации, наносить удары по нефтеносным районам Румынии и держали под контролем акваторию Черного моря. Все эти обстоятельства предопределили ту в высшей степени ожесточенную борьбу, которая разгорелась за Крым в конце 1941 – первой половине 1942 г.

Складывалась она, как и на большинстве других участков фронта, не в пользу Красной Армии. К середине ноября 1941 г. оборонявшие полуостров советские войска с тяжелыми боями отошли: Приморская армия – к Севастополю, а 51-я армия – и вовсе за пределы Крыма, эвакуировавшись на Таманский полуостров. Ставка ВГК, тем не менее, не собиралась прекращать борьбу за стратегически важный регион. В ходе последовавшей вскоре успешной Керченско-Феодосийской десантной операции (25 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г.) Красная Армия захватила на Керченском полуострове важный в оперативном отношении плацдарм.

Борьба за освобождение Крыма от вражеской оккупации вступила в новую фазу. 2 января 1942 г. Ставка дала командующему войсками Кавказского (с 28 января – Крымского) фронта генерал-лейтенанту Д. Т. Козлову указание всемерно ускорить сосредоточение войск, разрешив дополнительно к 44-й и 51-й армиям, уже воевавшим на Керченском полуострове, перебросить 47-ю армию и перейти в общее наступление. Удар с плацдарма наши войска должны были наносить в направлении Джанкой, Чонгар, Перекоп, а Приморской армии предписывалось наступать на Симферополь.

Однако задача освобождения Крыма в тот момент была явно нереальной. Противник же, располагая, как видно, данными о планах командования Кавказским фронтом, 15 января нанес упреждающий удар. Прорвав слабо организованную оборону, он 18 января захватил Феодосию. Под угрозой утраты оказался с таким трудом захваченный плацдарм, что делало невыполнимым и план Ставки по освобождению Крымского полуострова. Д. Т. Козлов вынужден был принять решение на отвод войск на Ак-Монайские позиции – оборонительный рубеж примерно в 80 км западнее Керчи.

В этих условиях для укрепления руководства фронтом Ставка ВГК посчитала необходимым направить сюда своего полномочного представителя – заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса. Вместе с сопровождавшими его заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майором П. П. Вечным и военным комиссаром артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии дивизионным комиссаром П. А. Дегтяревым он уже 22 января доложил И. В. Сталину о «самой неприглядной картине организации управления войсками». Особые претензии были предъявлены командующему фронтом: «Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был»⁷².

⁷² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 17.

По указанию представителя Ставки, констатировавшего, что в отношении трусов и дезертиров репрессивные меры на поле боя, как того требовал приказ Ставки ВГК № 270, не применялись, были арестованы и преданы суду военного трибунала должностные лица, допустившие потерю управления войсками и «позорное бегство в тыл»: командир 9-го стрелкового корпуса, временно исполнявший обязанности командующего 44-й армией, генерал-майор И. Ф. Дашичев⁷³, командир 236-й стрелковой дивизии генерал-майор В. К. Мороз (расстрелян в феврале того же 1942 г.) и военный комиссар той же дивизии батальонный комиссар А. И. Кондрашов, командир 63-й горнострелковой дивизии подполковник П. Я. Циндзеновский (он был освобожден из-под ареста и принимал участие в дальнейших боях в качестве командира 77-й горнострелковой дивизии), начальник политотдела 404-й стрелковой дивизии Н. П. Колобаев и некоторые другие.

Об этом войскам фронта объявили в приказе от 23 января 1942 г., копия которого была направлена Верховному Главнокомандующему. В нем анализировались итоги минувших неудачных боев и отмечались «крупнейшие недочеты» – неудовлетворительная организация боя, плохое управление войсками на всех уровнях, начиная со штаба фронта, неумение войск закрепляться на достигнутом рубеже, отсутствие эффективной системы огня, бдительного боевого охранения, непрерывной разведки и наблюдения, беспорядки во фронтовом и армейском тылу. Командиры дивизий не использовали всей мощи огня артиллерии, бросали танки мелкими группами на неподавленную противотанковую оборону. Неудовлетворительно был подготовлен основной рубеж обороны Керченского полуострова – Ак-Монайские позиции.

Дополнительно было проверено состояние авиации и артиллерии фронта. Здесь тоже были вскрыты серьезные недостатки. Из-за неудовлетворительного материально-технического обеспечения на Керченском полуострове скопилось 110 неисправных самолетов, в результате в среднем за день производилось менее одного самолето-вылета.

В приказах, изданных по результатам проверок, содержалось требование к командованию армиями, дивизиями, полками учесть опыт боев 15–18 января и немедленно навести порядок в частях. Паникеров и дезертиров расстреливать на месте как предателей⁷⁴. Без промедления устранив недочеты, следовало активно повести подготовку к наступлению.

С самого начала Л. З. Мехлис стал подменять командующего войсками и штаб фронта во всех принципиальных вопросах. «По распоряжению тов. Мехлиса все оперативные планы, директивы и иные распоряжения войскам фронта проверяются и санкционируются им, – информировал Д. Т. Козлов заместителя начальника Генштаба А. М. Василевского. И, явно дезориентированный таким оборотом событий, спрашивал: – Следует ли в данном случае представлять на утверждение народному комиссару оперативные планы, свои предложения о предстоящей деятельности войск или все указания по всем вопросам жизни и деятельности войск получать от него непосредственно на месте?»⁷⁵

Характер служебных взаимоотношений представителя Ставки и командования фронтом не изменился и в последующем. Побывавший в апреле 1942 г. в штабе Крымского фронта нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов вспоминал о царившей там неразберихе: «Командующий Крымским фронтом Д. Т. Козлов уже находился “в кармане” у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П. П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять – командующего или Мехлиса. Маршал С. М. Буденный (главком Северо-Кавказским направлением, в состав которого входил Крымский фронт. – Ю.Р.) тоже ничего не смог

⁷³ И. Ф. Дашичев был вскоре освобожден, но затем повторно арестован в июле 1942 г. и находился в заключении до июля 1953 г.

⁷⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 441, л. 32–36, 38–41, 48–52.

⁷⁵ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 1025, д. 30, л. 35.

сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки»⁷⁶.

С первого же дня пребывания на Крымском фронте представитель Ставки ВГК единолично решал вопросы комплектования войск, обеспечения фронта вооружением, боеприпасами, топливом и продовольствием. Вел почти непрерывные переговоры со Ставкой, Генеральным штабом, Тылом Красной Армии, главными управлениями Наркомата обороны.

Уже 23 января 1942 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант А. М. Василевский проинформировал его, что в соответствии с ранее высказанной просьбой по указанию члена ГКО Г. М. Маленкова фронту отпущено 450 ручных пулеметов, 3 тысячи пистолетов-пулеметов Шпагина, по 50 минометов калибра 120 мм и 82 мм. В пути находились два дивизиона реактивных минометов М-8. Были обещаны также средние танки и танки КВ, противотанковые ружья и патроны к ним, другое вооружение и техника. 24 января из Москвы была получена новая информация о направлении в Крым пяти огнеметных рот, а также посылке ремонтных бригад и запасных частей для организации ремонта авиационной техники на месте⁷⁷.

Предметом особой заботы было обеспечение фронта командными и политическими кадрами. 24 января по настоянию представителя Ставки были назначены: генерал-майор авиации Е. М. Николаенко – командующим авиацией фронта, генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов – заместителем командующего войсками фронта, бригадный комиссар С. С. Емельяненко – начальником политуправления. Для заполнения других вакантных должностей через Главное управление кадров Наркомата обороны активно запрашивались генералы и офицеры.

Характерно, что представитель Ставки не ограничивался контактами с первыми лицами, но и связывался напрямую с теми должностными лицами, от которых непосредственно зависело обеспечение войск. Так, получив согласие Г. М. Маленкова на немедленную отправку на Крымский фронт 15-тысячного пополнения из русских и украинцев («Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности»), он в тот же день телеграфировал начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии армейскому комиссару 1-го ранга Е. А. Щаденко о необходимости отправки его «особой скоростью». «Дайте личное указание Ковалеву (начальник службы военных сообщений Наркомата обороны. – Ю.Р.) следить за продвижением пополнения».

В успехе предстоящего наступления Л. З. Мехлис, как видно, не сомневался: буквально сразу по прибытии в Крым он заявил А. М. Василевскому, что «мы закатим немцам большую музыку».

Однако грубое, некомпетентное вмешательство представителя Ставки в повседневную деятельность командующего и штаба фронта, тотальный контроль над ними чем дальше, тем больше дезорганизовывали их работу, вносили путаницу в принимавшиеся решения и затрудняли их реализацию.

Такая линия поведения представителя Ставки отрицательно сказывалась в первую очередь на подготовке предстоящей наступательной операции. В начале февраля в штабе фронта был разработан новый план. По сравнению с первоначальным вариантом размах операции был несколько сужен. Главный удар войска должны были наносить на Карасубазар с целью оказания помощи гарнизону окруженного Севастополя. Задачу предполагалось решить усилиями только «номерных» армий без привлечения войск Приморской армии. Подготовка к операции должна была завершиться к 13 февраля.

⁷⁶ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966. С. 268.

⁷⁷ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 150, л. 6—10, 12, 24—25; д. 151, л. 14.

Назначенный срок выдержать не удалось, и 15 февраля Л. З. Мехлис вместе с П. П. Вечным были срочно вызваны к И. В. Сталину для доклада «о степени готовности войск и о ходе подготовки их». Верховный оказался не удовлетворен и приказал немедленно усилить фронт за счет трех стрелковых дивизий Северо-Кавказского военного округа – 271, 276 и 320-й⁷⁸.

Характерно, что в разговоре с командующим войсками округа генералом В. Н. Курдюмовым 16 февраля представитель Ставки опять потребовал очистить дивизии, как он выразился, от «кавказцев» и заменить их русскими.

Предпринятое 27 февраля 1942 г. наступление оказалось неудачным, несмотря на преимущество в живой силе (13 дивизий Крымского фронта против трех у врага). Уже на следующий день противник вернул все из того немногого, что войскам Красной Армии удалось захватить накануне, прежде всего главный узел обороны – Кой-Асан.

Находившийся в боевых порядках частей 51-й армии военный корреспондент «Красной звезды» К. М. Симонов вспоминал: «Наступление началось... очень неудачно. В феврале пошла метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищная. Все было придвинуто вплотную к передовой, и каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери... В километре – двух – трех – пяти – семи от передовой все было в тупах...»

Словом, – с огромной горечью заключал писатель, – это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка. Плюс к этому – полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, о том, чтобы уберечь людей от лишних потерь...»⁷⁹

2 марта перед лицом явной неудачи командование фронтом доложило в Ставку о решении из-за непроходимости дорог закрепиться на достигнутых рубежах, а в решительное наступление перейти, когда подсохнет почва. 5 марта Ставка приказала возобновить операцию, как только позволит состояние погоды и дорог, не дожидаясь дополнительных указаний с ее стороны⁸⁰.

Возобновив 13 марта наступление силами отдельных ударных групп, командование Крымским фронтом почти месяц пыталось прорвать Кой-Асанский узел вражеской обороны, но добились лишь незначительных тактических успехов. Яркое представление об общих причинах неудач дает доклад Мехлиса Верховному Главнокомандующему о результатах боев 20 марта в полосе 51-й армии. Несмотря на оптимистичное утверждение, что «бой закончился в нашу пользу», из телеграммы явствует: отсутствовали меры скрытой подготовки наступления («противник упредил нашу атаку на 1–1½ часа»), стрелковые части не отличались выучкой («над пехотой надо еще много работать»), в результате большие потери понесли 138, 390 и 398-я стрелковые дивизии и 12-я стрелковая бригада.

Представитель Ставки просил у Сталина «немедленного вмешательства» в связи с крайней нуждой в боеприпасах, а также необходимостью усилить фронт полком боевых установок РС (боевые машины реактивной артиллерии, «катюши»), полком УСВ (76-мм пушки образца 1939 г.) и танками Т-34⁸¹.

Чтобы восполнить огромные потери (а они только за февраль – апрель составили более 226 тыс. человек), Мехлис вновь и вновь связывался с Москвой. Только политбойцов, то есть рядовых солдат-коммунистов, в марте – апреле он истребовал почти 2,5 тысячи человек.

⁷⁸ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 150, л. 53, 64а.

⁷⁹ Цит. по: Рубцов Ю. В. Мехлис. Тень вождя. М., 2007. С. 337.

⁸⁰ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 117, 503.

⁸¹ АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 441, л. 62–64.

Людские резервы выявлялись и на месте. При этом рекомендации армейского комиссара 1-го ранга были подчас не лишены резона: «Здесь нужен не приказ, а практическая работа. Надо сократить также заградительный батальон человек на 60–75, сократить всякого рода команды, комендантские... Изъять из тылов все лучшее, зажать сопротивляющихся тыловых бюрократов так, чтобы они и пищать не посмели...»⁸²

Под особый контроль брались коммуникации и порты, через которые шло снабжение Крымского фронта. Получив сообщение секретаря горкома партии Новороссийска о сильной засоренности города иностранцами и «антисоветским элементом», представитель Ставки направил И. В. Сталину и Л. П. Берии особой важности шифровку. Он просил очистить Новороссийск от подозрительных лиц и придать ему статус закрытого города. Также вывести оттуда, как и из Керчи, лагеря НКВД, в которых содержались освобожденные из немецкого плена. Предложение вызвало одобрительную реакцию Верховного Главнокомандующего, приказавшего «прочистить», кроме того, Тамань и Темрюк⁸³.

Однако принятые меры не смогли коренным образом изменить ситуацию. С 11 апреля атакующие действия ввиду бесперспективности были приостановлены. Таким образом, ни одна из трех попыток осуществить наступление, предпринятых в феврале – апреле, сколько-нибудь серьезным успехом не увенчалась. За несколько месяцев пребывания на Крымском фронте представителю Ставки так и не удалось внести в ход событий необходимый перелом. Он все больше полагался на количественный фактор, на энтузиазм людей. Тщательную же подготовку наступления, выучку штабов и войск, материальное и боевое обеспечение, разведку недооценивал, подменяя нажимом, голым приказом, массовой перетасовкой командных и политических кадров. То, что для компетентного военачальника было бы очевидным и значимым, начальнику главного политического органа Красной Армии представлялось второстепенным.

Войска надо было готовить основательно, всерьез, тем более что противник не собирався отсиживаться в обороне. «Действия начинать на юге – в Крыму. Операцию против Керчи провести как можно быстрее... Керчь – сосредоточение основных сил авиации... Цель: Черное море, закрытое море. Батум, Баку», – такой записью в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера отложился план кампании на 1942 г., объявленный А. Гитлером на совещании 28 марта 1942 г.⁸⁴ Этот план был отражен в директиве, отданной верховным командованием вермахта 5 апреля 1942 г. и прямо предписывавшей считать первоочередной задачей сухопутных сил и авиации на южном фланге захват Керченского полуострова и овладение Севастополем для прорыва на Кавказ⁸⁵.

Во главе 11-й немецкой армии, действовавшей на Крымском полуострове, был поставлен один из наиболее даровитых военачальников фашистской Германии генерал-полковник (будущий генерал-фельдмаршал) Э. фон Манштейн. Операция по овладению Керченским полуостровом получила кодовое название «Охота на дроф», которое, учитывая катастрофический для советских войск результат последующих боев, приобрело особо зловещий смысл.

Враг рассчитывал уничтожить главные силы советских войск в пределах Ак-Монайского перешейка. Замысел Манштейна состоял во внезапном нанесении из района Владиславовка, высота 66,3, Дальние Камыши фронтального удара по левому, южному, флангу Крымского фронта, его прорыве и развитии наступления в глубину и к северу, в направлении правого фланга с выходом в тыл наших войск (иной вариант, к примеру, с фланговым ударом, исключала узость Ак-Монайского дефила). Часть сил выделялась для наступления в направлении Турецкого вала с задачей обеспечить правый фланг ударной немецкой группировки и пере-

⁸² ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 150, л. 134–135.

⁸³ АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 441, л. 66–68.

⁸⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. В 4 т. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 220–221.

⁸⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 381.

хватить отходящие на восток части Красной Армии. Предусматривалась и высадка десантов западнее Турецкого вала.

Немецкий военачальник учел при этом выгодную конфигурацию линии фронта (в случае успеха на южном фланге она позволяла отсечь значительную часть советских войск) и характер местности перед Ак-Монайским оборонительным узлом (с высот, занятых гитлеровцами, хорошо просматривался тыл 44-й армии на всю тактическую глубину).

К началу мая фашистское командование сосредоточило против соединений Крымского фронта шесть пехотных, одну танковую и одну кавалерийскую дивизии. Хотя это была большая часть немецких войск в Крыму, тем не менее по численности она вдвое уступала советским войскам. В условиях невыгодного для немцев соотношения сил Манштейн решил сделать ставку на внезапность удара и господство в воздухе, поскольку по количеству самолетов главные силы 4-го воздушного флота и 8-й отдельный авиакорпус, поддерживавшие наземные войска 11-й немецкой армии, превосходили авиацию Крымского фронта в 1,7 раза⁸⁶.

О значении, которое немецко-фашистское командование придавало боевым действиям на Крымском полуострове для всей кампании 1942 г., уже после войны поведал немецкий историк генерал К. Типпельскирх: «В то время как немецкие войска, готовясь к предстоящему широкому наступлению, еще только получали пополнение и производили перегруппировку, в Крыму были предприняты два сильных удара с целью устранить угрозу южному флангу немцев и высвободить 11-ю армию»⁸⁷.

Что касается планов советского командования, то оно, со своей стороны, не смогло верно оценить быстро меняющуюся обстановку. Ставке ВГК и Верховному Главнокомандующему мешало, в первую очередь, головокружение от успешного контрнаступления под Москвой зимой – весной 1941–1942 гг. Вопреки возражениям Генштаба и Г. К. Жукова, И. В. Сталин принял решение о стратегическом наступлении Красной Армии весной – летом 1942 г. на всем протяжении советско-германского фронта. При этом крымское направление было признано одним из важнейших.

Однако по-настоящему к наступлению здесь не готовились. Ставка полагалась на доклады своего представителя, а уровень военной компетентности у Мехлиса был, увы, невысоким. До поры до времени это открыто не проявлялось, поэтому вопрос о его замене более компетентным военачальником не ставился.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский роль представителей Ставки характеризовал следующим образом: «Это была ответственная работа. Оценить на месте возможности войск, поработать совместно с военными советами фронтов, помочь им лучше подготовить войска к проведению операций, наладить взаимодействие фронтов, оказать помощь в обеспечении войск поставками всего необходимого, быть действенным, связующим звеном с Верховным Главнокомандующим – таков лишь короткий перечень всяких забот, лежавших на представителе Ставки»⁸⁸.

Одно лишь перечисление этих задач (по словам маршала, забот) показывает, что Ставка, читай – Сталин, допустила серьезный просчет, остановив свой выбор не на карьерном военном, а на партийном функционере, пусть и большого ранга. Они, эти задачи, в своем абсолютном большинстве были не по плечу Мехлису, который хотя и носил высшее военно-политическое звание, приравненное к званию генерала армии, но был непрофессиональным военным, не имевшим ни военного образования, ни опыта командования соединениями и объединениями.

Сам не умея воевать по-современному, пресловутую соринку он искал в «глазу» руководящего состава фронта, в первую очередь, командующего. Пользуясь возможностью прямого

⁸⁶ Невзоров Б. И. Май 1942-го: Ак-Монай, Еникале // Военно-исторический журнал, 1992, № 8. С. 34–35.

⁸⁷ Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 229.

⁸⁸ Цит. по: Песков В. М. Война и люди. М., 1979. С. 134.

доклада Верховному, представитель Ставки неоднократно пытался убедить его в необходимости сменить Д. Т. Козлова. В телеграмме от 29 марта 1942 г. он суммировал свои выводы о командующем: ленив, неумен, «обожающийся барин из мужиков». Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска для него – «наказание». В войсках фронта авторитетом не пользуется, к тому же «опасно лжив».

Рисуя в негативном свете командующего фронтом, Мехлис в то же время не удержался от комплимента самому себе: «Если фронтовая машина работает в конечном итоге сколько-нибудь удовлетворительно, то это объясняется тем, что фронт имеет сильный военный совет, нового начштаба (имелся в виду генерал П. П. Вечный. – Ю.Р.), да и я не являюсь здесь американским наблюдателем, а в соответствии с Вашими указаниями вмешиваюсь в дела. Мне кажется, что дальше оставлять такое положение не следует, и Козлова надо снять»⁸⁹.

Последующий трагический исход боев, в котором во многом повинен командующий фронтом, казалось бы, делает честь прозорливости представителя Ставки. Но ведь не сбросить со счетов и то обстоятельство, что многие ошибки и просчеты Козлова были следствием жесткого пресса со стороны Мехлиса. Так что еще вопрос, кого из них следовало для пользы дела отзывать.

У генерал-лейтенанта Козлова были свои и плюсы, и минусы. Он не участвовал в оборонительной кампании 1941 г. и потому имел недостаточно глубокое представление о немецко-фашистской армии. Но, с другой стороны, в его активе было руководство успешной высадкой большого десанта в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции. Поэтому Сталин полагал, что генерал сумеет справиться с обязанностями командующего, и на предложение заменить Козлова генералами Н. К. Клыковым или К. К. Рокоссовским согласием не ответил.

Большого представителю Ставки удалось добиться в отношении других руководящих лиц. 10 марта 1942 г. он получил из Москвы сообщение о том, что Сталин поддержал его предложение и освободил генерал-майора Ф. И. Толбухина от должности начальника штаба фронта, заменив его генералом П. П. Вечным.

Полностью сменился состав военных советов Крымского фронта и всех трех входивших в него армий. Постановлениями ГКО от 11 и 13 февраля 1942 г. членами ВС фронта в дополнение к дивизионному комиссару Ф. А. Шаманину были назначены секретарь Крымского обкома ВКП(б) В. С. Булатов и полковой комиссар Я. С. Колесов.

Сомнительная с точки зрения конечного результата перетасовка кадров коснулась и командующих армиями. Ее избежал лишь командарм-51 генерал-лейтенант В. Н. Львов. А вот командующий 47-й армией генерал-майор К. Ф. Баронов был по настоянию эмиссара Москвы снят с должности из-за «сомнительных» в политическом отношении родственников и связей с лицами, «подозрительными по шпионажу». Его сменил генерал-майор К. С. Колганов. В 44-й армии после того, как получил тяжелое ранение командарм генерал-майор А. П. Первушин, его обязанности выполнял начальник штаба полковник С. Е. Рождественский. Мехлис резко возразил против утверждения его в должности командующего, и таковым стал генерал-лейтенант С. И. Черняк. Об истинной оценке обоих представителем Ставки свидетельствует запись, сделанная им, правда, уже после эвакуации из Крыма: «Черняк. Безграмотный человек, неспособный руководить армией. Его начштаб Рождественский – мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенант»⁹⁰.

Представитель Ставки насадил атмосферу самого настоящего сыска, наущничества и негласного надзора за командно-политическим составом, подтверждением чему служит спецсообщение начальника особого отдела НКВД 44-й армии старшего батальонного комиссара Ковалева от 20 апреля 1942 г.: «Согласно вашего распоряжения (так в документе. – Ю.Р.) мной

⁸⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 172–174.

⁹⁰ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 140, л. 269.

изучены настроения командующего 44 армией – генерал-лейтенанта Черняка и члена военного совета 44 армии – бригадного комиссара Серюкова в связи с состоявшимся заседанием военного совета Крымского фронта 18 апреля с.г. После заседания, возвратившись к себе в землянку, Черняк в беседе с начальником штаба Рождественским, высказывая свое недовольство, заявил так: “Как мальчишку гоняют при всех подчиненных. Если не ладно – научи, а зачем это делать на совещании”. И далее: “Хоть иди ротой командовать. “Засыпался”, но ничего, в Москву отзовут”... На второй день, днем в беседе с генерал-майором Нанейшвили Черняк жаловался на придирчивое к нему отношение со стороны тт. Мехлиса и Козлова...»⁹¹.

Для представителя Ставки ничего не стоило безосновательно обвинить человека в трусости, на что обратил внимание, например, прибывший в Крым на должность заместителя командующего фронтом генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов⁹²

⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 502–504.

⁹² Хренов А. Ф. Мосты к победе. М., 1982. С. 222.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.